

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра социологии, политологии и управления

Е.Ф.Молевич

ОБЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Раздел IV, V

*Учебное пособие для студентов
гуманитарных специальностей*

Издательство «Самарский университет»
2000

УДК 316.3
ББК 60.5
М 75

Ответственный редактор проф., канд. ист. наук В.Я.Мачнев

Рецензент проф., д-р культурологических наук Санкт-Петербургской академии культуры Э.А.Куруленко

Молевич Е.Ф.

М 75 Общая социология: Учебное пособие для студентов гуманитарных специальностей. Ч. IV, V. - Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. - 105 с.
ISBN 5-86465-147-8

Предлагаемое учебное пособие соответствует государственному стандарту специальности «Социология» и учебной программе курса «Общая социология», разработанной и утвержденной кафедрой социологии, политологии и управления Самарского государственного университета. Оно продолжает ранее изданные пособия «Общая социология» Ч. I-II, Ч. III и охватывает четвертый и пятый разделы учебной программы курса.

Предназначено как для студентов-заочников, так и для самоподготовки студентов дневного обучения гуманитарных факультетов.

УДК 316.3
ББК 60.5

ISBN 5-86465-147-8

© Молевич Е.Ф., 2000
© Издательство «Самарский университет», 2000

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел IV. Социальные институты общества	3
1. Брак и брачный состав общества	3
2. Семья и семейный состав общества	23
Раздел V. Основные формы жизнедеятельности и образ жизни личности, группы и общества	32
1. Труд как определяющая форма жизнедеятельности личности и общества	32
2. Бытовая форма жизнедеятельности личности и общества	45
3. Досуговая форма жизнедеятельности личности и общества	62
4. Сексуальная форма жизнедеятельности личности и общества	79
5. Образ жизни как интегральное выражение жизнедеятельности личности, группы и общества	97

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ОБЩЕСТВА

---

1. Брак и брачный состав общества

Как уже было показано выше (III.1), к социальным институтам относятся социальные системы, объективные по своему происхождению и последующему функционированию. Типичными примерами последних являются брак, система образования и т.д. К анализу последних мы и переходим.

Социальная сущность брака, ее историческая эволюция

Брачные отношения или, иначе, брак представляют собой одну из форм социальной регуляции сексуальных связей между полами, а именно тех из них,

которые имеют репродуктивную направленность. Содержательная сущность брака как механизма реализации именно функции продолжения рода была осознана еще на заре цивилизации и научного знания: «Основа же для рождения детей во всех государствах – это брачные отношения и союзы» (Платон. Собр. соч. Т. III, ч. 2. С. 195). И в христианской морали «таинство брака» превращает половое соитие из смертного греха в грех простительный только потому, что в браке оно имеет целью зачатие ребенка. В формальном же плане специфическая сущность брачных отношений всегда состояла в их соответствующем узаконении (легализации) нормами обычного или письменного права. Уже в законах вавилонского царя Хаммурапи (перв. пол. II тысячелетия до н.э.) мы читаем: «Если человек взял женщину и не заключил с ней договора, эта женщина – не жена» (см. Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1980. Ч. 1. С. 162). Иными словами, в историческом прошлом брачные отношения всегда представляли собой так или

иначе легализованную систему репродуктивных отношений в данном обществе.

В качестве таковой брак выступает, прежде всего, социальным институтом, жизненно необходимым для любого общества, ибо общество, безразличных к процессам собственного воспроизводства, не бывает. В силу этого, во-вторых, брак оказывается институтом, атрибутивно присущим обществу: общество, лишенных механизмов брака, история не знает.

Но при этом брак глубоко историчен. В условиях первобытности он выступает, главным образом, как механизм жесткого обеспечения внутривидовой экзогамии и межродовой эндогамии. С переходом к цивилизации и рождением семьи, домохозяйства и правовых механизмов его наследования брак обретает семьеобразующую функцию и новую выраженность, хорошо отраженную в известном античном высказывании, приписываемом Демосфену: «Мы берем жену, чтобы получить законных детей и иметь в доме верную хозяйку» (цит.: Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959. С. 78). При этом эмоционально-гедонистическая сторона брачных отношений в эту и более поздние эпохи либо полностью игнорируется (согласно тому же Демосфену, «для наслаждений и любви» предназначены гетеры), либо тщательно скрывается как нечто аморальное и греховное. Чем отличается брак от сожителства – через две тысячи лет после Демосфена заинтересуется крупнейший философ XIX века – Ф.-Г.Гегель и ответит: для сожителства «главное – в удовлетворении естественной потребности, тогда как в браке она оттесняется на второй план» (Гегель Ф.-Г. Философия права. М., 1990. С. 212). Развитое индустриальное общество, существенно снизив в итоге демографической революции рождаемость и породив массовую бездетную семью, сохранило, тем не менее, репродуктивную направленность брачных отношений: и сегодня свыше трех четвертей детей рождается в рамках брака или узакониваются последующим браком. Но одновременно все большую роль в современном браке начинает играть его эмоционально-гедонистическая составляющая, что постепенно превращает современный брак в один из главных социальных регуляторов сексуальных отношений как таковых, причем не только между полами: практически во всех развитых странах гомосексуальными меньшинствами поставлен вопрос о легализации однополых браков. И в этом несколько экзотическом требовании в полном объеме заявило о себе главное основание общественного авторитета брака: присущая ему узаконенность, легализованность сексуальных отношений и их возможных последствий (контрактное и судебное регулирование жилищных и имущественных интересов брачных партнеров, полная правоспособность детей, их материальное обеспечение). В основном сохра-

няется в современном обществе и семьеобразующая функция брака, хотя она и несколько сузилась в связи с широким распространением внебрачной формы семьи.

Брачные нормативы   Объективными основаниями «устоями» брачных отношений выступает совокупность

складывающихся в каждом обществе брачных нормативов, так или иначе упорядочивающих эти отношения. Собственно, именно наличие этих жестких объективных регулятивов и превращает брак в социальный институт. Среди них важнейшее значение имеют правила выбора возможного брачного партнера из имеющейся совокупности потенциальных партнеров, так называемого «брачного круга». Объем этого круга динамичен и во многом определяется степенью открытости данного общества – чем она выше, тем выше и соответствующие возможности выбора. Сам же он детерминируется, в основном, следующими традиционными правилами:

- экзогамии: запрет брачных отношений в пределах определенной группы лиц. В условиях первобытного общества – запрет брачных отношений в рамках рода, в средневековой Европе – между родственниками и даже свойственниками до седьмого колена, между крестными и крестниками и их родственниками до третьего колена. Число исключаемых таким образом из брачного круга лиц в зрелом средневековье иногда достигало нескольких тысяч человек. В современных условиях экзогамия сводится к запрету кровосмесительных браков («инцеста») – прародителей, родителей и детей, родных братьев и сестер;

- эндогамии: запрет брачных отношений за пределами определенной группы лиц: племени, касты, секты, государства и т.д. Так, в СССР в 1946-1954 г.г. разрешались браки лишь между гражданами страны;

- гомогамии: ориентация на вступление в брак с партнером того же социального круга. Характерна для закрытых обществ, но в ряде проявлений сохраняется и сегодня: так, по-прежнему редки межрасовые или межконфессиональные браки, браки аристократов и «простолюдов» («мезальянс»);

- гетерогамии: ориентация на вступление в брак с партнером любого социального положения. Формируется в условиях современных высококомобильных обществ и выражается в растущем числе социально-смешанных, в частности, национально-смешанных браков.

Очень значимы брачные нормативы, регулирующие минимальный возраст вступления в брак. Они исключительно многообразны. Согласно рим-

скому каноническому праву, минимальный возраст вступления в брак устанавливался для женщин в 12, для мужчин – в 14 лет. Шариатом был установлен возраст, соответственно, в 9 и 15 лет. Российский Синод в 1714 г. установил возрастные границы в 13 и 15 лет, в 1830 г. они были повышены до 16 и 18 лет. В современном мире нормативы минимального брачного возраста колеблются между 12-18 годами для женщин и 14-21 – для мужчин. В Российской Федерации минимальный возраст вступления в брак для обоих полов – 18 лет, но субъекты федерации имеют право понижать эти возрастные границы.

В ряде стран встречаются нормативы предельного возраста вступления в брак. В дореволюционной России вступление в брак лиц старше 60 лет предполагало специальное разрешение церковных властей, лицам старше 80 лет вступление в брак было запрещено.

В историческом прошлом большую роль играли и нормативы предстоящего местожительства новобрачных. Оно могло быть дислокальным, т.е. с раздельным проживанием супругов (групповой первобытный брак, конкубинат, «визитный брак» и т.д.) или монолокальным, т.е. «под одной крышей». В этом случае возникали варианты:

- патрилокальности: новобрачная переходит в семью родителей мужа;
- матриликальности: новобрачный переходит в семью родителей жены;
- неолокальности: новобрачные поселяются отдельно от родителей.

Наконец, повсеместно очень значимы нормативы фиксирования брака, его официального правоприменения. С точки зрения соответствующих оформительных процедур, браки могут быть гражданскими (светскими), т.е. регистрируемыми в органах государственной власти, или церковными, оформляемыми специальными культовыми ритуалами, признаваемыми государством в качестве правоспособных. В некоторых странах (Великобритания, США) сосуществуют обе формы брачной фиксации.

Исторические типы и формы брака

Многообразные сочетания этих и менее общих брачных правил обусловили существование нескольких конкретно-

исторических типов и форм брачных отношений. Типы браков определяются конкретным составом брачных партнеров (брачного коллектива), а формы – вариациями этого состава в рамках данного типа.

Исторически известны три типа брака. Первый из них, присущий первобытным родовым порядкам, – групповой брак. Характеризовался брачными отношениями между неопределенным числом партнеров, принадлежавших к общей брачной группе («брачному классу»), иногда, например, у абorigine-

нов Австралии, насчитывавшей многие сотни и тысячи человек. Известным отечественным исследователем первобытности Ю.И.Семеновым была сделана попытка теоретической реконструкции одной из предполагаемых форм группового брака, так называемого дуально-родового дислокального брака. По мысли автора, для этой формы группового брака в силу внутривидовой экзогамии были характерны брачные отношения между мужчинами определенного возраста одного рода и женщинами соответствующих возрастов другого рода (или родов). В качестве общей брачной группы здесь выступают мужчины и женщины определенного возраста двух или нескольких родов, с их раздельным, по необходимости, проживанием (дислокальностью).

Можно вспомнить, что в конце прошлого века активно высказывалась мысль (Баховен, Морган, Энгельс) о существовании еще более раннего типа брачных отношений – промискуитета, характеризовавшегося полной беспорядочностью сексуальных отношений, в том числе и инцестом. Последующее накопление научных знаний эту гипотезу практически исключило, но в отечественной литературе в меру догматизации теоретического наследия Ф.Энгельса концепция промискуитета оставалась действующей вплоть до недавнего времени.

Вместе со становлением цивилизации возникают два новых типа брачных отношений – полигамия и моногамия. Полигамия предполагает отношения в рамках брачного коллектива, образуемого единственным партнером одного пола и несколькими партнерами другого пола. Соответственно, различаются две конкретные формы полигамии:

- полиандрия (многомужество): брачный коллектив представлен несколькими мужчинами и одной женщиной. Характерна для народов, живших в особо сложных географических условиях, приводивших к массовому инфантициду девочек и, соответственно, острой диспропорции полов в брачном возрасте;

- полигиния (многоженство): брачный коллектив представлен несколькими женщинами и одним мужчиной. В прошлом широко распространенная, особенно на Востоке, форма брака. Но всегда имела статус социальной привилегии верхних слоев населения, ибо в силу характерной для аграрного общества женской сверхсмертности не могла быть сколько-нибудь массовой формой брака. В некоторых случаях полигиния выступала формой социальной поддержки вдов – таков, например, обычай левирата во многих культурах Востока, исключавших право женщин на наследование собствен-

ности скончавшегося мужа и вынуждавший их выходить замуж за одного из братьев мужа.

Полигамные браки сегодня, как правило, запрещены законом. Однако в ряде стран, в том числе Западной Европы, сохраняется в полулегальном режиме специфическая разновидность полигинии, т.н. конкубинат: стабильная связь женатого мужчины с формально незамужней женщиной, имеющей от него признаваемых им детей и материальную поддержку. В последние же десятилетия нашего века в ряде стран, в частности, в США и России, достаточно неожиданно возникли и даже получили известную общественную поддержку идеи легализации полигинии в современном обществе. Дальше всех в этом отношении пошли в России, где в 1999 г. подобная правовая реабилитация многоженства состоялась в Ингушетии, а соответствующие попытки были и в ряде других республик. В обоснование подобных проектов обычно выдвигается целый ряд прагматичных соображений: полигиния может поднять падающую рождаемость; она смягчает последствия сложившегося в современном обществе дисбаланса полов; она облегчает положение женщин в семье за счет более выраженного внутрисемейного разделения труда между супругами.

Однако единственным признаваемым законом, в том числе и в российском семейном законодательстве, типом брака в современном обществе выступает моногамия, единобрачие, сводящее брачный коллектив к его минимально возможной выраженности – партнерской паре. Исторически первая форма моногамии – “парный брак” – формировалась в условиях неолитического перехода к цивилизации и характеризовалась типично переходными чертами: уже парное брачное партнерство, но еще его высокая текучесть и повременность. Этой неустойчивости парного брака отвечала и его слабая легализуемость – парные браки возникали и распадались вне сколько-нибудь сформировавшейся правовой процедуры. Парные браки послужили основанием формирования развитого полноценного единобрачия, т.н. традиционной моногамии.

Крупнейший исследователь этой формы брака американский этнограф середины XIX века Л.Г.Морган убедительно объяснял рождение развитой моногамии на заре цивилизации назревшей потребностью общества в механизме передачи собственности по наследству родным детям собственника. “Моногамная семья обязана своим происхождением собственности... Надежность отцовства приобрела теперь такое значение, которое было неизвестно при прежнем состоянии общества” (Морган Л.Г. Древнее общество. М.-Л., 1935. С. 219). Отсюда две неотъемлемые черты традиционной моногамии, сопутствовавшие ей на протяжении всей ее многотысячелетней ис-

тории: практическая пожизненность для брачной пары (“до гробовой доски”) и особая усложненность процедур фиксирования брака, призванная подчеркнуть его строгую легальность.

Но с рубежа XIX-XX вв. вместе с легализацией разводов и растущей практикой повторных браков начинается формирование еще одной, новейшей формы единобрачия, т.н. “серийной моногамии”. Ее специфика – в сознательной ориентации на повременность, текучесть конкретно-партнерских отношений, а соответственно, на последовательную цепочку – “серию” – браков на протяжении жизни. В серийной моногамии отразились глубинные перемены в общественной жизни, вызванные развитым индустриализмом и его постепенным перерождением в постиндустриальное общество. Это и растущая материальная независимость брачных партнеров, живущих в условиях “двухкарьерной” семьи, и снижение общественной значимости собственности и ее наследования в условиях, когда основным источником существования населения становится наемный труд, и резко выросшая – в два-три раза – средняя продолжительность жизни, соответственно увеличившая продолжительность возможной брачной жизни с традиционных 15-20 лет до 40-50 лет, и снижение репродуктивных ориентаций супругов при существенно выросших сексуальных требованиях друг к другу и т.д.

Как крайнее выражение вызываемых этими общественными переменами сдвигов в брачном поведении людей можно рассматривать быстрый рост во второй половине XX в. такой формы парных сексуальных союзов, как так называемые “свободные браки” (или: “фактические”, “консенсуальные”, “молодежные”, в российско-советской терминологии – “гражданские браки”). Для них характерны не только четко выраженная ориентация на повременность отношений, но и связанный с этим сознательный отказ от какого-либо официального фиксирования складывающихся отношений, а также акцентированное выдвигание на первый план эмоционально-гедонистической составляющей этих отношений. Важная черта подобных союзов – их высокая престижность преимущественно в молодежной среде: в Швеции начала 80-х годов число женщин, состоящих в свободных союзах в возрастной группе 20-24 года втрое превышало число официально замужних женщин, но уже в следующей возрастной группе 25-29-летних ситуация была прямо обратной. И это делает возможным трактовку подобных браков, в частности, как неких “пробных браков”. Так, на рубеже 80-х годов законными браками завершились 31% свободных союзов во Франции, 47% – в Норвегии, 89% – в Швеции. В целом же вопрос о том, можно ли рассматривать указанные союзы как специфическую форму брака или же это

все-таки скорее форма внебрачного сожительства, – остается дискуссионным. При этом нередко высказывается мысль, что к бракам можно относить лишь те сложившиеся, т.е. более или менее устойчивые свободные союзы, которые характеризуются совместностью проживания, общностью хозяйства и особенно – наличием и совместным воспитанием детей. И формальное примечание к сказанному: статистика браков, формируемая по итогам переписи населения, обычно включает свободные браки в общее число браков, ибо составляется на основе устных заявлений переписываемых. И, наоборот, текущая статистика браков фиксирует исключительно “законные” браки.

Рассмотренную историческую эволюцию типов и форм брака можно было бы подытожить следующим образом: она шла от первоначально неопределенно широких брачных классов (коллективов), постепенно суживая круг брачных партнеров, к брачной паре, а в рамках последней – к все более свободным повременным брачным отношениям.

**Брачный состав
и брачное движение
населения**

Любая бракоспособная по возрасту личность всегда находится относительно института брака в одном из следующих возможных состояний: она может состоять

в браке; находиться среди состоявших в браке, но овдовевших; среди состоявших в браке, но прервавших его разводом; среди никогда не состоявших в браке. Эти четыре различающиеся группы бракоспособного по возрасту населения образуют т.н. брачный состав (структуру) общества, а процесс перехода из одной группы брачного состава в другую получил название брачного движения населения.

**Группа состоящих
в браке: историческая
динамика**

Определяющей по своей численности группой брачного состава общества выступает группа состоящих в браке (брачная группа). Количественные параметры этой группы обычно из-

меряются ее удельным весом среди других групп брачного состава, а также числом вступающих в брак (или числом вновь заключенных браков). Удельный вес брачной группы всегда конкретно-историчен, ибо во многом зависит от целого ряда привходящих обстоятельств: возрастной структуры населения (чем она моложе, тем ниже показатели брачности), законодательно установленного минимального и традиционного для данного общества среднего (типичного) возраста вступления в первый брак, запрещенности или разрешенности разводов, уровня смертности, статистических пра-

вил, учитывающих или игнорирующих свободные браки и т.д. Наиболее сильно указанные обстоятельства будут сказываться при изменении удельного веса брачности относительно всего населения в целом. Меньшую зависимость и, соответственно, большую строгость обнаруживают измерения удельного веса брачности относительно не всего населения, а его бракоспособной части. Наконец, уровень распространения брачности может быть измерен и отношением сложившейся в данном обществе продолжительности жизни в браке к общей продолжительности жизни в реальном или условном поколении.

Применительно к Западной и Центральной Европе на протяжении последних столетий обобщающие показатели брачности были весьма стабильны: примерно треть населения или около половины бракоспособных по возрасту состояли в браке. Для Восточной Европы, включая Россию, эти показатели были более высокими, соответственно, около 40 и 65-70%. В XX в., видимо в меру постарения населения, уровень брачности в европейских странах вырос, достигая двух третей и выше от общего числа бракоспособных. И если в 1901 г. из каждой тысячи бракоспособных женщин в Великобритании состояло в браке 496, то в 1971 г. таковых было уже 643. В США в 1989 г. в браке состояло 60% взрослого населения. Россия, традиционно имевшая более высокую брачность, сохранила ее – слегка (на 2%) даже повысив – и в XX в.: на тысячу бракоспособных соответствующего пола приходилось женатых и замужних:

	Мужчин	Женщин
1897	696	633
1939	702	597
1959	692	505
1970	716	563
1979	708	569
1980	718	598
1994	723	585

Другой – и наиболее часто используемый – показатель брачности – число вновь заключенных браков (или число вступивших в брак) в течение года. Рассчитывается двояко: на тысячу человек населения – общий коэффициент брачности и на тысячу человек, бракоспособных по возрасту – специальный коэффициент брачности. Иногда выделяется его частный вариант – специфический коэффициент брачности: на тысячу бракоспособных, не

состоящих в браке. Общий коэффициент брачности всегда сильно зависит от уже указанных выше приводящих обстоятельств (возрастной структуры населения и т.д.) и поэтому мало пригоден для международных и исторических сопоставлений. Более строгие специальные коэффициенты, но и у них есть слабое место: не учитываются межгосударственные законодательные различия в определении бракоспособных возрастов.

Для Европы последних столетий общий коэффициент брачности составлял 7-9, для США и России – 10, но с последней трети XX в. повсеместно наблюдается снижение этих показателей: в Европе до 5-7, США – 9, Россия – 7. Аналогичное снижение демонстрируют и специальные коэффициенты. Главная причина – растущая практика свободных браков, слабо фиксируемая текущей статистикой. В этой связи можно вспомнить поучительный опыт советской статистики: после фактического запрещения в 1944 г. широко распространенных в 20-30 годах гражданских (свободных) браков показатели общего коэффициента брачности выросли вдвое (с 5-6 в тридцатых годах до 12,5 в 1959 г.). Но на рубеже 80-90-х годов серьезное значение приобрела и чисто конъюнктурная причина снижения показателей брачности: вступление в брачный возраст немногочисленных потомков малочисленного поколения военных лет. Влияние этой “демографической волны” сказывалось до середины 90-х годов. Применительно к России последних годов нужно также учитывать фактор “отложенной брачности”, вызванных переживаемыми страной трудностями переходного времени.

Наконец, еще один, причем строго объективный показатель реального состояния и тенденций эволюции брачности, – соотношение показателей числа состоящих в браке с показателями роста населения в данной стране за какой-то период времени. Так, в СССР переписи населения показали, что с 1959 по 1970 г. население страны выросло на 16%, а число состоящих в браке – на 24%. С 1970 по 1979 г., соответственно, на 9 и 14%, с 1979 по 1989 г. – на 9 и 12%. За весь же период 1959-1989 г.г. население выросло на 37%, а число состоящих в браке на 58%.

Таким образом, подытоживая сказанное, мы можем сделать общий вывод: на протяжении XX в. в экономически развитых странах имел место рост брачности населения.

В выше приводимой статистике брачности бросается в глаза явная половая асимметричность: мужские показатели существенно превосходят женские. Это связано с двумя обстоятельствами: во-первых, с уже нам известным численным превосходством женщин во взрослых возрастных группах экономически развитых стран. Во-вторых, с хорошо выраженным мужским

приоритетом в заключении повторных браков. В России 80-х годов в повторный брак после овдовения или развода в интервале 10 лет вступало 58% мужчин и лишь 27% женщин.

**Группа состоящих
в браке: факторы
динамики**

Повторные браки – запрещаемые индуизмом и конфуцианством, разрешенные, но неодобряемые буддизмом и православием, повседневные в мире ислама –

всегда были важным компенсационным

фактором в европейской брачности. В Новое время каждый пятый брак среди мужчин и седьмой-восьмой среди женщин был повторным (вторым и т.д.). Но при этом надо иметь в виду, что количественные показатели повторных браков существенно зависят от динамики прекращения браков, т.е. от частоты овдовения и разводов. А именно: снижение смертности понижает вероятность повторных браков (в Европейской России второй половины XIX века смертность упала с 37,4 в 1860-х годах до 27,9 в 1910 г., показатели повторных браков, составлявшие в 1860-х годах 19,2 среди мужчин и 13,5 среди женщин, упали в 1910 г. до 14,2 и 8,9), правовая же легализация разводов и либерализация их официальных процедур, наоборот, эту вероятность существенно повышают. И в стране самой высокой разводимости – США – на рубеже 90-х годов каждый второй заключаемый брак был повторным хотя бы для одного партнера. В близкой к США по масштабам разводимости России в 1995 г. среди новобрачных старше 30 лет “повторники” оказались абсолютно преобладающими: среди мужчин их было в 2,5 раз больше, нежели вступающих в брак в первый раз, среди женщин – даже в 3,5 раза больше. В возрасте же до 30 лет степень компенсации разводов повторным браком в 1986 г. составила среди мужчин 74%, среди женщин 63%.

При рассмотрении брака как повторяющегося (серийного) события принципиальное значение приобретает выяснение средне-типичного временного интервала между распадом старого и рождением нового брака. Для Европы (включая СССР) 70-80-х годов этот интервал в среднем составлял 5-6 лет. Но представляется вероятным, что эта цифра сильно завышена, ибо данные текущего учета брачных состояний обычно игнорируют складывающуюся практику свободных браков.

Прозрачность этих браков для официальной статистики сильно ограничивает познавательную ценность и главных традиционных приемов статистической характеристики повторной брачности: показатель числа повторных браков в расчете на 100 или 1000 разводов и т.н. суммарного коэффи-

циента брачности, характеризующего среднее для данной возрастной группы число заключенных браков. Можно сказать, что проблема учета свободных браков сегодня стала “любимой мозолью” методики брачной статистики.

Кроме повторных браков на уровень брачности сильное влияние также оказывают принятые в данном обществе нормативы минимального возраста вступления в брак – мы уже видели, что сегодня они колеблются между 12 и 21 годами, – и характерные для каждого общества показатели типичного среднего возраста вступления мужчин и женщин в первый брак.

Все многообразие возрастных особенностей брачного поведения населения можно свести к нескольким конкретным тенденциям этого поведения. В доиндустриальных обществах субъектами брачной мотивации выступали, по общему правилу, не сами “молодые”, а их родители и родственники, отсюда двойственные тенденции: с одной стороны, приобрести дополнительные рабочие руки в дом или, наоборот, “сбыть с рук” лишний девичий рот, породниться с “хорошей семьей”, привязать к дому не в меру разгулявшегося сына и избежать “порчи” дочери – все эти и подобные им соображения подталкивали родителей к ранним бракам детей. В Древнем Риме три четверти девушек выходили замуж до 20 лет, а 40% – даже до 14 лет. В России середины прошлого века 60% девушек также оказывалось в браке до 20 лет. Аналогичная картина сохраняется и сегодня во многих странах “третьего мира”: в начале 80-х годов до 20 лет выходили замуж 81% девушек Камеруна, 93% – Бангладеш, 72% – Пакистана, 84% – Йемена и т.д. Но необходимость во многих брачных культурах сбора больших средств для выкупа невесты (известный библейский персонаж Иаков должен был семь лет трудиться ради этого), передача в руки новобрачных части родительской собственности (“отделение детей”), необходимость предварительного завершения профессионального образования в ремесленной среде и приобретения определенного должностного статуса служивыми, распространенная бытовая позиция “сначала встать на ноги, а уж потом жениться” – все это, наоборот, существенно повышало возрастную планку брака. В Англии XVI-XVII в.в. средний возраст вступления в брак для обоих полов – 27-29 лет, в Баварии и Венеции XVIII в. среднестатистический мужчина вступал в брак, соответственно, в 27 и 31 год, женщина – в 25-28 лет. Высокие брачные возрасты традиционны и для ряда стран “третьего мира” – Туниса, Шри Ланка, Филиппин, Малайзии, Кореи.

С возникновением индустриального общества поздние браки становятся общим правилом. Этому способствуют как коренные изменения в условиях жизни – поздняя социализация, появившиеся трудности с жильем и трудо-

устройством, всеобщая военная повинность, так и растущая самостоятельность молодых в определении своего брачного будущего. В современной Европе типичный возраст вступления в брак для мужчин и женщин – 26 и 23 года (в России – 24 и 22 года), в Северной Америке – 25 и 23 года, в Японии – 27 и 25 лет. Но надо иметь в виду, что в меру распространения свободных браков, особенно такой их формы, как “пробный брак”, реальный средний возраст вступления в брак в развитых странах существенно ниже.

Средневозрастные характеристики брачности чрезвычайно чувствительны ко всем особенностям социально-экономического положения конкретных групп населения. Поэтому в рамках одного и того же общества всегда наблюдается и известная дифференциация средневозрастных показателей. Как правило, в более молодые браки вступают селяне, лица физического и наемного труда, невысокого образования, малой материальной обеспеченности. Наоборот, для горожан, лиц умственного труда, собственников, лиц с высшим образованием, хорошей материальной обеспеченности характерны более поздние браки. Как правило, женщины вступают в брак в более молодые годы, нежели мужчины, но исторически известны у ряда народов (марийцы, мордва, удмурты) и традиции противоположного характера. В современной России, как показывают исследования, основными дифференцирующими факторами возраста вступления в брак являются этническое происхождение, уровень образования и тип поселения.

Еще один существенный показатель брачности непосредственно влияющий на ее уровневую динамику – складывающаяся в данном обществе средняя продолжительность жизни в браке. Она может быть ожидаемой, т.е. прогнозируемой на основе сложившихся к моменту ее расчета показателей смертности и разводимости, и наблюдаемой, складывающейся у данных поколений и групп под влиянием реально имевшей место смертности и разводимости и всегда поэтому ретроспективной. Ожидаемая средняя продолжительность брака в Европе “за сто лет удвоилась. Пара, вступившая в брак в 1870 г., жила в среднем 23,4 года, в 1900 г. – 28,2; в 1930 г. – 36,0; в 1970 г. – уже 43 года” (Зидер Р. Социальная история семьи. М., 1997. С. 263). Для российской молодежи, вступившей в брак в 1970 г., аналогичные прогнозы обещали для мужчин 39 и для женщин 32 года брачной жизни. Однако прокатившийся в последней трети XX в. по большинству развитых стран бум разводов практически сломал эти ожидания. Наблюдаемая средняя продолжительность браков, например, в современных США – порядка 7 лет. Серьезные перемены в современной брачной жизни потребовали рож-

дения и новых показателей продолжительности жизни в браке: в т.н. “фактической продолжительности брака” теперь фиксируется не только жизнь в официальном браке, но и время нередко предшествующего ему “пробного брака”. В показателе “общая продолжительность брачной жизни” теперь суммируется продолжительность всех браков данного лица, что отвечает складывающейся практике “серийной моногамии”.

**Группа никогда
не состоящих в браке**

Вторую по массовости группу брачного состава общества образуют все те лица бракоспособного возраста, которые никогда не состояли в браке. Значительная

их часть представлена молодежью, еще не успевшей вступить в брак. Ее удельный вес будет сильно зависеть от установившихся в данном обществе возрастных показателей вступления в брак: если приняты ранние браки, то молодежная подгруппа рассматриваемой группы минимальна, если же распространены поздние браки, то удельный вес холостой и незамужней молодежи может быть очень высоким. Так, в середине прошлого века в странах традиционно поздними браками – Великобритании и Швейцарии в возрасте 20-24 года незамужними оставались, соответственно, 70 и 83% женщин. В середине же нашего века, в условиях охватившего послевоенную Европу раннебрачного бума, незамужними в том же возрасте оставались лишь 41 и 55% женщин. Однако с 70-х годов в меру отмеченной выше повсеместной тенденции ко взрослению браков удельный вес холостой и незамужней молодежи вновь начинает расти. Так, в возрастной группе 20-24 г. незамужними оставались: в США 1950 г. 32,3% женщин, а в 1982 г. – уже 53,4%, в Японии в 1950 г. 50,7%, а в 1980 г. – 77,7%, в Швеции в 1950 г. 59,7%, а в 1981 г. – 84,8% и т.д.

Другую подгруппу никогда не состоявших в браке образуют “старые холостяки и девы”, т.е. все те, кто окончательно остался вне брака. За порог этой “окончателности” в мировой брачной статистике принимается безбрачие в возрасте 45-49 лет. Причины окончательного безбрачия многообразны: состояние здоровья, религиозные установки (почти во всех религиозных конфессиях, в том числе, и во всех ветвях христианства, безбрачие всегда высоко котирировалось как особо угодное Богу, порождая, в частности, и такие специфические социальные институты, как целибат (запрет брака для духовенства), монашество, отшельничество и т.д.), трудности брачного выбора. Последние по своей природе двояки: с одной стороны, это следствия дисбаланса полов, сложившегося в итоге войн, миграций, односторонней региональной (“мужские” и “женские” города) и отраслевой concentra-

ции полов; с другой стороны – следствия повышенной, а нередко и явно завышенной требовательности к потенциальному партнеру (“ищет принца”). На масштабах безбрачия сказываются и чисто личностные факторы: повышенный индивидуализм, особенности характера и внешних данных, повышенная занятость и увлеченность (статистический факт – повышенность безбрачия в среде коллекционеров и изобретателей).

В целом удельный вес окончательного безбрачия строго историчен. В большинстве аграрных обществ он минимален: в Европейской России 1897 г. в окончательном безбрачии оставались 4% мужчин и 5% женщин, в Индонезии 1980 г., соответственно, 1,1 и 1,2%, в южной Корее того же года – 0,4 и 0,3%. По неясным причинам в брачной истории Западной Европы еще в средние века происходит смена этой традиции на альтернативную – высокого окончательного безбрачия. Уже в XV в. в итальянском городе Пиза среди мужчин старше 45 лет холостяки составляли 15%. В середине XIX века в возрастной группе 45-49 лет оставались незамужними и 14% англичанок, 13% француженок, 20% швейцарок, 17% голландок. При этом вплоть до середины нашего века тенденция роста безбрачия в этих странах продолжала иметь место: в 50-х годах незамужними оставались 17% пятидесятилетних англичанок, 23% – шведок и 34% ирландок(!). Но со второй половины XX в. во всех развитых странах она сменяется процессом противоположного характера – быстро падающего окончательного безбрачия. Вне замужества в 80-х годах оставалось лишь 6-8% женщин Франции, ФРГ, Нидерландов, Англии, Швеции, 4-5% женщин США и Японии, что зеркально отвечает отмечавшемуся уже выше росту брачности в наше время в развитых странах.

Как уже очевидно из сказанного, общегрупповая динамика никогда не состоявших в браке будет определяться двумя характерными детерминациями: во-первых, спецификой возрастной структуры данного общества: чем она моложе, тем выше удельный вес данной группы, и, наоборот, чем она старше, тем ниже этот вес, ибо в старших возрастах брачность всегда выше, чем в молодых. Во-вторых, спецификой типичного для данного общества среднего возраста вступления в первый брак: чем выше этот возраст, тем больше холостой молодежи и ощутимее удельный вес рассматриваемой группы. Ее весомость в развитых странах в последние десятилетия определяется равнодействующей двух противоположных тенденций, нами уже охарактеризованных: ростом молодежной составляющей этой группы и снижением веса окончательного безбрачия в верхних возрастных группах. В условиях прогрессирующего постарения современного общества вторая

тенденция существенно перекрывает первую, обуславливая устойчивое снижение удельного веса группы никогда не состоявших в браке в общей массе бракоспособного населения. Это можно хорошо проследить на примере Великобритании: из каждой тысячи женщин в бракоспособном возрасте оставались незамужем в 1815 г. 385, в 1901 г. – 395, в 1951 г. – 248, в 1971 г. – 200 женщин. В России: из каждой тысячи бракоспособных мужчин и женщин оставались холостыми и незамужними в 1897 г., соответственно, 568 и 528 человек, в 1989 г. – 196 и 132.

Прекращение брака

До XX века в странах христианско-европейской культуры прекращение брака почти исключительно было связано со смертью одного из супругов. С правовой легализацией разводов на рубеже XIX-XX в.в. положение меняется, но вплоть до конца XX века овдовение продолжало оставаться главной причиной прекращения браков: на его долю в начале 80-х годов приходилось 66% случаев прекращения браков в Великобритании, 70% – в ФРГ, 71% – во Франции и т.д. Исключение составляли лишь США и СССР, где с 80-х годов решающее значение приобретают разводы.

Группа вдовых

Прекращение браков по случаю смерти одного из супругов обуславливает существование третьей группы брачного состава общества – вдовых. Ее количественная динамика на уровне 8-11 % от общего числа бракоспособных предопределяется, с одной стороны, сложившимися в данном обществе тенденциями смертности, а с другой – частотой разводов (чем она выше, тем ниже вероятность овдовения) и повторных браков. При этом для группы вдовых характерна сильно выраженная половая асимметричность: в России 1989 г. на тысячу бракоспособных мужчин приходилось 25 вдовцов, на тысячу бракоспособных женщин – 182 вдовы. В возрастной группе 60-64-летних на тысячу мужчин и женщин доля вдовцов составляла 65 человек, вдов – 318, в группе 65-69-летних, соответственно, – 93 и 455. Этот разрыв обусловлен, во-первых, характерной для современного общества мужской сверхсмертностью, а во-вторых, – мужским приоритетом в повторных браках.

Количественные параметры овдовения измеряются двояко: удельным весом вдовых в общем числе бракоспособных соответствующего пола и расчетом числа вдовых данного пола на тысячу лиц данного пола, состоящих в браке (“специальный коэффициент овдовения”).

Группа разведенных

Еще одну группу брачного состава общества образуют те, кто прекратил брачные связи в силу их правового

расторжения, “развода”. Ее частная подгруппа – “разошедшиеся”, т.е. прекратившие брачные отношения без официального оформления. К этой же подгруппе будут относиться и все состоявшие в свободном браке, но превратившие его. Для мировой брачной практики группа разведенных также обычна, как и все рассмотренные выше. В раннецивилизационную эпоху, описанную, в частности, в библейском Ветхом завете, в классической античности, в многообразных культурах Востока (кроме индуизма) разводы привычны и повседневны. Но для стран христианско-европейской культуры, практически запретившей разводы (евангельское: “Что Бог сочетал, того человек да не разлучает”). Русская средневековая пословица в этой связи гласила: “женитьба есть, а разженитьбы нет”), последние становятся фактом брачной жизни лишь в XIX веке, оставаясь при этом весьма малочисленными. Ситуация разительно меняется в последнюю треть XX века, ознаменовавшуюся подлинным “бумом разводов”: если на тысячу брачных пар в экономически развитых странах в середине века приходилось 2-3 развода в год, то в 80-х годах их уже было 8-12. Бесспорными лидерами в этом процессе выступали США (1980 г. – 22,8) и СССР (1989 г. – 15,9, в РСФСР – 17,8).

Каковы причины этого? Общей теории процессов разводимости еще нет, но можно предположить совпадающее и взаимоусиливающее влияние на них ряда качественно новых факторов современной общественной жизни. Среди них – принципиально изменившийся базис самого формирования браков: не основанная на житейских расчетах родительская воля с ее “стерпится-слюбится”, а самостоятельное решение молодых, во многом строящееся на эмоционально-романтических ожиданиях. Но “свобода выбора партнера имплицитно подразумевает и свободу расторжения супружества, если оно складывается неудачно” (Голод С.И. Социально-политический журнал. 1995. № 6. С.75). Несомненный вклад в разводимость вносит и в корне изменившийся социальный статус женщины: массовое вовлечение женщин в общественное производство обусловило их растущую экономическую самостоятельность, высокую образованность, ориентацию на карьерные ценности, растущее самоуважение и, соответственно, все более высокие требования к брачному партнеру и совместной жизни с ним. Не случайно, главным инициатором разводов в последние десятилетия повсемест-

но выступали женщины (в России в 1984 г. – в 60-80 % случаев). Нельзя игнорировать и принципиально новую хронологию брачной жизни, порождаемую резко выросшей в последние десятилетия средней продолжительностью жизни. “Прожить вдвоем, не надоев друг другу, 50 лет гораздо труднее, чем прожить 15-20 лет” (Кон И.С. Социологические исследования. 1982. № 2. С. 115). Наконец, на брачных отношениях не может не сказываться и общий фон повышенной мобильности жизни современного человека: растущая сменяемость мест жительства, работы, профессии, должностей, материального и социального статусов и т.д. Эта общая тенденция так или иначе должна сказываться и на брачной мобильности. По-видимому, все большую роль в современных процессах разводимости начинает играть и своеобразная “самоиндукция” разводов, определенная общественная “мода” на них, провоцирующая соответствующее поведение брачных пар.

От указанных макросоциальных факторов разводимости, обуславливающих саму общественную потребность в данной процедуре прекращения брака, надо отличать т.н. конкретную мотивацию разводов, т.е. указываемые самими разводящимися непосредственные поводы каждого конкретного развода. Как свидетельствует судебная статистика многих стран, чаще всего приводимыми основаниями желательности расторжения брака выступают такие побудительные мотивы, как несходство характеров, отсутствие общих интересов, супружеская неверность, физическое насилие, алкоголизм, отсутствие нормальных жилищных и материальных условий, вмешательство родителей. Но надо помнить о повышенном субъективизме и слабостью надежности этих вслух называемых причин расторжения брака, о нередком желании скрыть за ними, замаскировать истинные основания развода, либо, наоборот, “насолить”, свести счеты с оставляемым партнером.

Та же статистика убедительно свидетельствует о существовании в современной брачной жизни вполне объективных “факторов риска”, обстоятельств, уже изначально, в момент бракосочетания, закладывающих повышенную вероятность распада данного брака. Общемировой опыт говорит о существенно меньшей устойчивости гетерогамных, повторных, ранне- и сильно разновозрастных браков, поздних браков, а также браков, вынужденных добрачной беременностью. В недавнем прошлом отдельной строкой в статистике разводов выделялся такой фактор повышенной неустойчивости брака, как его бездетность или малодетность. Но с превращением подобных браков в норму, значимость этого фактора, естественно, упала.

Очень специфично на устойчивости брака сказываются и многие социальные обстоятельства. Так, по американским данным, с ростом образова-

ния растет разводимость, инициируемая женщинами, но падает – инициируемая мужчинами. Такая же ситуация с ростом внутрисемейных доходов: при росте доходов мужа вероятность расторжения брака падает, при росте доходов жены, наоборот, возрастает. Браки атеистов менее устойчивы, нежели браки верующих. Среди последних наиболее устойчивы браки католиков и индуистов. Отечественный опыт свидетельствует о большей устойчивости браков селян, о меньшей устойчивости браков, представленных партнерами (или хотя бы партнером), выросшими в неполных семьях, сохранении сильных национальных различий в степени устойчивости брака.

Количественный анализ разводимости базируется на нескольких обобщающих статистических показателях, к сожалению, недостаточно строгих:

- общий коэффициент разводимости: расчет числа разводов за год на тысячу человек населения. Сильно зависит от специфики возрастной и брачной структур населения;

- специальный коэффициент разводимости: расчет числа разводов за год на тысячу существующих брачных пар. Дает гораздо более строгие результаты, но сильно зависит от особенностей возрастной структуры состоящих в браке;

- сопоставительный индекс разводимости: расчет числа разводов за год на тысячу (или сто) вновь заключенных браков. Зависит от особенностей возрастной и брачной структур общества, а также от динамики брачности и разводимости в прошлом.

Становление серийной моногамии обусловило рождение еще одного показателя – суммарного коэффициента разводимости, фиксирующего среднее число разводов среди шестидесятилетних. Исчисляется отдельно для мужчин и женщин.

В заключение вопроса – сравнительная таблица измерения разводимости в России (Российской империи, РСФСР, РФ):

	ОКР	СпКР	СИР	СуКР-муж.	СуКР-жен.
1897	0,03	0,96			
1940	0,9	2,9	175 (СССР)		
1960	1,5	6,5	104 (СССР)	0,210	0,160
1980	4,2	17,5	396	0,590	0,558
1990	3,8	17,4	424	0,509	0,512
1995	4,5		619		

Исторические типы брачного поведения

Складывающееся под влиянием конкретных общественных условий и принятых брачных нормативов, отношение населения к институту брака – возрастные характеристики

вступления в брак, его устойчивость (продолжительность), уровень молодежного и окончательного безбрачия, а также специфика брачного движения населения – частота разводов, овдовения, повторных браков – получило название брачного поведения населения.

Все его конкретно-историческое многообразие принято обобщать в три исторических типа брачного поведения – традиционный, западноевропейский и современный.

Традиционный типичен для обществ аграрного типа и, следовательно, насчитывает несколько тысяч лет, сохраняясь и сегодня в странах, отставших в своем социально-экономическом развитии. Для него характерны: очень высокая брачность и, соответственно, слабо выраженное окончательное безбрачие; как правило – ранние браки; как правило – ориентация на пожизненность браков и, соответственно, за вычетом стран ислама, отсутствие правового развода.

Западноевропейский тип брачного поведения начинает формироваться в странах Западной и Центральной Европы в середине второго тысячелетия н.э. Причины его возникновения неясны. Английский историк Дж.Хайнал связывал их с завершающей стадией приватизации недвижимости и средств производства, демограф А.Г.Вишневский – с усилением в эти годы общественной роли христианства с его идеалом воздержания и безбрачия. По своему содержанию западноевропейский тип противопоставлен традиционному: резкое снижение удельного веса брачности и, соответственно, высокий уровень окончательного безбрачия; поздние (и даже очень поздние) браки, поднимавшие планку молодежного безбрачия; безусловный запрет разводов как противоречащих канонам христианства.

Западноевропейский тип брачного поведения сохранялся в развитых странах вплоть до середины нашего века, когда ему на смену стал приходиться т.н. современный тип брачного поведения, представляющий собой известный компромисс ролестатусных типов поведения: весьма высокая брачность и, соответственно, пониженное относительное безбрачие; поздние браки и, соответственно, значительное молодежное безбрачие; безусловное признание временности брака и, соответственно, право на повторность («серийность») брака; растущий отказ от официального оформления брака.

При этом быстро модернизовавшиеся в XX веке аграрные страны, например, Япония, переход от традиционного к современному типу брачного

поведения совершали и совершают напрямую, минуя западноевропейский тип этого поведения.

В заключение темы – таблица распределения населения России в возрасте 16 лет и старше по состоянию в браке (по данным микропереписи населения 1994 г.). На тысячу человек указанного возраста и соответствующего пола:

	Никогда не состоявшие в браке	Состоят в браке			вдовые	разведенные
		В целом; в т.ч.	В зарегистрированном	В незарегистрированном		
мужчины	195	723	676	47	29	42
женщины	146	585	546	39	174	78

2. Семья и семейный состав общества

В современном массовом сознании понятия семьи и брака обычно отождествляются. И для этого есть основания: в условиях цивилизации брачные отношения обычно включены в систему семейных отношений. Тем не менее, при всей их общности, брак и семья остаются институтами глубоко различными: если брак атрибутивен и сопутствует всей истории человечества, то семья сравнительно молода и ведет свою историю с рождения цивилизации; семья многофункциональна, в доиндустриальных обществах она становится даже «ячейкой общества», брак же, как мы видели, монофункционален; семья монолокальна, предполагает совместное проживание членов семьи, «единую крышу», брак может быть и дислокальным; семья может включать в свой состав брачную пару (или пары), но может быть и внебрачной; в свою очередь и брак, даже в условиях цивилизации, может быть несемейным (например, визитный брак). В наши дни, в этой связи, особую дискуссионность приобретает проблема взаимоотношений свободных браков и семьи, остающаяся во многом открытой.

Семья как малая группа и социальный институт

С учетом всего сказанного семью можно определить как группу лиц, связанных брачными, родственными или свойственными отношениями, совместностью проживания, общностью хозяйства, быта и взаимной ответственности. Так понимаемая семья по форме своего существования оказывается

частным случаем малой социальной группы, а семьеобразующими началами, определяющими ее специфику как семейной группы, выступают двоякого рода отношения: во-первых, брачные и на их основе – свойственные (т.е. между родственниками брачной пары) и, во-вторых, кровнородственные, среди которых особую значимость имеют генеративные отношения (родители – дети). В историческом прошлом решающее значение в формировании семьи принадлежало именно вторым, ибо семья объединяла несколько брачных пар разных поколений, связанных кровным родством. В современной же однобрачной семье, к тому же часто бездетной или с отделившимися детьми, на первый план в семьеобразовании выходят брачные отношения. Неотъемлемыми критериальными признаками семьи выступают также совместность проживания членов семьи, общность хозяйства (бюджета), быта и взаимной ответственности (взаимопомощи). В прошлом последняя нередко принимала формы круговой поруки и кровной мести, а общность хозяйства и быта приводила к типичному для обыденного сознания отождествлению семьи и домохозяйства. Но домохозяйство имеет более широкий, чем семья, базис своего существования, охватывая любую произвольную группу лиц, объединяемых общностью проживания, хозяйствования и быта.

В зависимости от степени представленности указанных семьеобразующих начал различаются семьи полные и неполные. Полные образованы с участием обоих конституирующих семью начал: брачных и родственных отношений. Неполные лишены одного из этих устоев. Соответственно, в числе неполных будут различаться: семьи супружеские (или: однопоколенные), представленные бездетной (или с уже отделившимися детьми) супружеской парой; внебрачные семьи, лишённые супружеской пары. Последние возможны в двух вариантах: а) материнские семьи, образуемые матерями с их внебрачными детьми и б) фрагментарные («осколочные») семьи, возникающие в силу овдовения или развода.

В зависимости же от сложившегося конкретного состава семьи, представляющего собой распределение всех ее членов с точки зрения их внутрисемейной роли («семейного состояния»), – супруги, дети, родители супругов, прародители, родственники и свойственники разных степеней принято различать семьи сложные, включающие в свой состав брачные пары разных поколений и разнообразных родственников и свойственников, и семьи простые или, иначе, «нуклеарные» («ядровые»), образуемые супружеской парой и ее несостоящими в браке детьми.

Поскольку конкретный состав семьи динамичен и во многом зависит от времени ее существования, то нетрудно обнаружить определенную после-

довательность во внутрисемейном развертывании этого состава, получившую название «жизненного цикла семьи». Его первая фаза – «предродительство» – начинается с вступлением в брак и продолжается до рождения первенца. Если ребенок не единственный, то вторая фаза цикла – «репродуктивное родительство». Она продолжается до рождения самого младшего ребенка. В случае единственного ребенка этой фазы нет, и предродительство непосредственно перерастает в фазу социализационного родительства. Завершает цикл фаза прародительства – от рождения первого внука до смерти одного из супругов. Приведенная структура жизненного цикла семьи неканонична, встречаются и другие схемы этого цикла.

До сих пор нами рассматривались формальные аспекты существования семьи как одной из малых социальных групп. Но семья может и должна быть проанализирована и с позиций ее специфической социальной роли, ее места в жизни цивилизованного общества, т.е. как один из важнейших социальных институтов цивилизации. И принципиальная специфика этой роли – в той «естественной связи между себялюбием и общественностью... между личным и социальным существованием» (Конт О. Общий обзор позитивизма. В кн.: Родоначальники позитивизма. СПб, 1912. Вып. IV. С. 114-115), которая обеспечивается именно семьей в силу ее полифункционального характера. Интегрируя в едином микроколлективе брачные и генеративные отношения, семья объективно выступает на протяжении всей истории цивилизации основным социальным институтом, обеспечивающим как непрерывное воспроизводство населения, так и социализацию его подрастающей смены. Характеризуясь общностью хозяйствования, быта, проживания, взаимответственности семья оказывается ответственной и за организацию быта и отдыха своих сочленов, за социальное обеспечение нетрудоспособных и в целом выполняет роль некоторого социального амортизатора неблагоприятных внешних воздействий, своеобразного стабилизатора, «буфера» между членами семьи и внешним миром. В различных общественных условиях семья приобретает, как мы дальше увидим, и другие важные роли, но сущностным значением обладают лишь указанные функции, атрибутивно присущие семье в любых конкретно исторических условиях ее существования.

Происхождение семьи и традиционный тип ее существования

Свою историю семья ведет с рождения цивилизации, когда новые общественные условия потребовали и новых форм социальной организации населения: с одной

стороны, они должны были обеспечить эффективное функционирование родившегося частнособственнического хозяйственного механизма, а с другой – преемственно воспринять и адаптировать остающиеся актуальными социальные функции уходящего рода. Сложившаяся как ответ на эти запросы т.н. «традиционная семья» в своем типичном содержании просуществовала вплоть до индустриально развитой эпохи.

Ее главная отличительная черта как наиважнейшего социального института аграрного общества состояла в том, что в силу своей многофункциональности традиционная семья по существу выступала первичной социальной ячейкой этого общества, его микрослепком, обществом в миниатюре. Именно на семью замыкались в этом обществе вся хозяйственная деятельность («семейная экономика»), отношения собственности и социального статуса, быт и досуг, вся полнота социализации и социальной защиты, весь объем государственных и частновладельческих повинностей, в том числе и военных. «Семья – это, если угодно, прообраз политических обществ, правитель – это подобие отца, народ – дети» (Руссо Ж.Ж. Трактат. М., 1969. С. 153).

Очень своеобразны и формальные аспекты существования традиционной семьи. Во-первых, в ее брачном фундаменте заложены не только моногамные, но и полигамные отношения, нередко причудливо сочетающиеся в рамках одной семьи. Во-вторых, для этой семьи была обычной очень сложная внутренняя структура. Она включала в себя не только брачные пары разных поколений, т.е. была многосоставной и разнопоколенной, но и всю свободную и несвободную службу семьи, различных приживал, утратившую работоспособность челядь и т.д. В поэме «О семье» итальянский гуманист XV века Л.-Б.Альберти такими словами характеризует эту трудно воспринимаемую сегодня структуру: «Что Вы называете семьей? Детей, жену, а также слуг, работников, рабов». Наконец, в-третьих, для традиционной семьи была характерна неограниченная власть мужа – отца («патера») над всеми домочадцами, включая их жизнь и имущество. «Во всякой семье старший облечен полномочиями царя» (Аристотель. Соч. Т. 4. С. 378). Отчетливо авторитарный характер этой семьи проявлялся и в преимущественно деловом характере мотивации браков, организуемых по общему правилу старшими членами семьи.

**Современный тип
семьи. Два подхода к ее
интерпретации**

семью.

Кардинальные перемены в обществе, связанные со становлением индустриализма, столь же кардинально преобразовали и

Что характерно для ее современного типа? Прежде всего – резкое изменение числа и особенно объема выполняемых социальных функций и в этой связи – утрата привычного в прошлом статуса «первичной ячейки» общества. Среди сохранившихся функций особенно важны репродуктивная (абсолютное большинство детей рождаются и – что особенно важно – содержатся в рамках семьи), первичной (именно и только первичной!) социализации, в известной степени – бытодосуговой и социальной защиты нетрудоспособных. «Процесс распада сохранившихся функций семьи будет продолжаться», – прогнозирует Н.Смелзер (Социология. М., 1994. С. 426), и с ним согласны большинство исследователей. Но можно посмотреть на это и другими глазами: происходит не просто распад, а эволюционная трансформация функций. Какие-то из них, например, субъекта собственности, объекта налогообложения и государственных повинностей отмирают полностью, другие – социализации, социальной защиты, бытодосуговой реабилитации и т.д. – существенно трансформируются в своем объеме и конкретном содержании, третьи рождаются заново. Такова сексуальная функция, в прошлом отсутствующая, а сейчас, в меру рассмотренных выше перемен в содержании брака, формирующаяся. По мнению известного футуролога О.Тоффлера, в XXI в. в постиндустриальном обществе в силу высокого удельного веса возрождающегося надомного труда снова вступит в силу производственная функция семьи, практически умершая в XIX – XX в.в.

Столь существенные преобразования в функциональном содержании семьи не могли обойтись без столь же существенных перемен в формах ее существования – в характере самого семейного коллектива. Во-первых, изменилась сама брачная основа семьи: теперь она исключительно моногамная, ибо полигамия повсеместно запрещена законом. Во-вторых, произошла подлинная революция во внутрисемейной организованности семейной группы. Она выразилась, с одной стороны, в резком упрощении внутрисемейной структуры семьи: из сложной (многосоставной и разнопоколенной) семья трансформировалась в «нуклеарную» (простую), образуемую брачной парой и ее несостоящими в браке детьми. Нуклеарная семья известна в Западной Европе с позднего средневековья. Но массовой она становится лишь в наши дни. В современных США сложные семьи составляют лишь 1,5% от их общего числа. В России – 16,8% (1989 г.). С другой стороны, отмечается быстрая смена полных семей – связанных с полным комплексом семьеобразующих отношений, неполными. Удельный вес последних вырос в США за 70-е годы вдвое – с 10 до 21%. В СССР за 70-80-е годы удельный вес только внебрачных семей вырос на 31%, в сегодняшней России каждая

третья семья – бездетная (т.н. супружеская). Отвечая всем этим структурным перестройкам существенно сокращается и среднетипичный размер семьи: в США он упал с 5,5 человек в 1850 г. до 4,7 – в 1900 г., 3,3 – в 1950 г. и 3,2 человек – в 1990 г. В России и СССР – с 7,7 в 1870 г. до 3,7 в 1970 г. и 3,5 человек в 1989 г.

И, наконец, в третьих, на смену авторитарно-патриархальным взаимоотношениям в семье, предполагавшим безусловное неравенство в положении мужа-отца, жены и детей, приходит семья с принципиально эгалитарной системой внутрисемейных взаимоотношений, предполагающей формальное и фактическое равноправие всех членов семьи. Это нашло свое отражение, в частности, в практическом отмирании самого понятия «глава семьи».

В теоретической интерпретации характера и обозримых перспектив развития современной семьи уже ряд десятилетий соперничают два альтернативных подхода: кризисный и адаптивный. Первый с большой тревогой констатирует существование угрожающих самому существованию институтов брака и семьи деградиционных тенденций в происходящих переменах семейной жизни: рост разводимости, растущий отказ от официального оформления брака, переход к малодетности и даже – к бездетности, рост неполных семей, внебрачных связей, одиночества и т.д. Второй же подход видит в тех же переменах не деградиацию, а, наоборот, целесообразную адаптацию брачно-семейных отношений к резко изменившимся условиям общественной жизни. И в меру этой адаптации – не перспективу скорой смерти брака и семьи, а наоборот, рост их устойчивости и общественного признания. Мы уже видели, что удельный вес брачности в XX в. не упал, а вырос, более того, рост брачности по своим темпам опережает рост населения, мировая практика неоспоримо засвидетельствовала, что «две трети разведенных ... вновь вступают в брак» (Аберкромби Н. и др. Социологический словарь / Пер. с англ. Казань, 1997. С. 259), повсеместно сократился, как мы уже видели, уровень окончательного безбрачия, а консенсуальные молодежные браки, сыграв во многом роль «пробных браков», в зрелых возрастах выразительно сменяются официально фиксируемыми браками. В этой связи нельзя не согласиться с мнением авторитетного демографа А.Г.Вишневого: «Если семья и переживает кризис, то это кризис не института семьи как такового, а кризис его старых форм, признак перехода к новым формам... Складывается тип семьи, наилучшим образом приспособленный к новым условиям общественного бытия» (Свободная мысль. 1993. № 11. С. 119; Эко. 1989. № 8. С. 139).

**Семейный состав
общества**

Справедливость этого тезиса подтверждается и сохраняющейся высокой устойчивостью т.н. семейного состава общества (не путать с брачным составом общества!). Под семейным составом (семейной структурой) общества понимается распределение населения по отношению к институту семьи. Соответственно выделяются социальные группы членов семей и одиноких, живущих вне семьи (т.е. не имевших семьи или утративших с ней связь). В СССР статистикой населения выделялась еще одна группа: членов семей, временно проживающих вне семьи, но сохраняющих с ней материальную и духовную связь (иногородние учащиеся, командированные, сезонные работники, военнослужащие срочной службы, заключенные и т.д.). С учетом последней, доля населения СССР, жившего в семьях, на протяжении последних нескольких десятилетий практически не менялась, составляя 80-90% населения. В РСФСР – 88-89%. Здесь же в группе временно проживающих вне семьи в 1989 г. находилось 4,7% населения, в группе одиноких – 6,9%. В целом в двух последних группах находятся 17,1 мл. человек (11,6% населения). За рубежом удельный вес живущего в семьях населения в индустриально развитых странах – 85-90% от общей численности населения (в начале 80-х годов: Швеция – 86,2, ФРГ – 87,1, США – 89,4, Япония – 92,7%. Для сравнения, столетием раньше: Швеция – 82, Франция – 89, Германия – 94%). В группе одиноких зарубежной статистикой выделяются подгруппы одиноких, ведущих самостоятельное хозяйство, и одиноких, живущих в составе т.н. групповых домохозяйств (общежитий, интернатов, казарм и т.д.).

Для характеристики семейного состава общества важна также численность семей и тенденции ее динамики, с 1939 по 1989 г. число семей в СССР выросло с 42,7 до 73,1 мл., в РСФСР за те же годы – на 16,5 мл. семей. Этот рост, обгоняя прирост населения, был связан не столько с последним, сколько с отмеченной выше нуклеаризацией семьи и в этой связи с сокращением средних размеров семьи. Для измерения этих процессов вводится специальный расчетный показатель – коэффициент семейности: число семей, приходящихся на 1000 человек постоянного населения. По своему содержанию коэффициент семейности обратен средней величине семьи и характеризует степень сгруппированности населения семьи. Для России этот показатель был равен 219 – в 1939 г., 243 – в 1959 г., 267 – в 1979 г. и 274 – в 1989 г.

Социология семьи

Семья как социальная общность (институт и группа) изучается многими соци-

альными дисциплинами: этнографией, правом, демографией, социальной психологией и др. Но каждая из этих наук рассматривает семью «со своей колокольни», целостное же изучение семьи как специфической социальной общности обеспечивается частной (специальной) социологической дисциплиной – социологией семьи (или, иначе, «фамилистика»): «отрасль социологии, изучающая развитие и функционирование семьи как социального института и малой группы» (Социологический энциклопедический словарь. М., 1998. С. 335).

Старейшая проблема социологии семьи – происхождение и последующая историческая эволюция семьи. В истории науки сложились два альтернативных подхода в понимании этого вопроса. Первый – идущая еще от античности (Платон, Аристотель), убежденность в исторической атрибутивности и постоянстве парной семьи как естественной первоячейки общественной организации. На рубеже XIX-XX вв. эта идея (“семья, состоящая из отца, матери и детей, является институтом универсальным”) разделялась виднейшими специалистами эпохи – Г.Мэном, К.Штарке, Е.Вестермаком, Э.Гроссе. И сегодня эта позиция не редкость, в отечественной литературе, например, ее защищают Н.А.Бутинов и В.Р.Кабо. Но со второй половины прошлого века определяющую роль в понимании семьи играют эволюционистские подходы, рассматривающие семью и ее конкретные состояния как явления сугубо конкретно-исторические. В трудах И.Я.Баховена, Дж.Мак-Леннона, Л.Г.Моргана, Ф.Энгельса, М.М.Ковалевского, в современном фундаментальном исследовании Ю.И.Семенова «Происхождение брака и семьи» (М., 1974) были вскрыты социально-экономические предпосылки становления брачных форм и семьи, предложены схемы их последующей исторической трансформации. Не все в этих схемах выдержало испытание временем, сданы в архив, например, очень популярные некогда идеи промискуитета и матриархата, но в плоть и кровь науки вошло главное – идея историчности семьи и ее конкретных форм существования.

С 20-30-х годов нашего века получает развитие эмпирическая ветвь социологии семьи. В центре ее внимания оказываются ролевые взаимоотношения в семье, многообразные трансформации организационной структуры семьи – от сложной к простой, от полной – к неполной и возникающее в этой связи разнообразие форм семьи. С особым вниманием исследуются факторы устойчивости и распада семьи, ее адаптивные возможности в современных условиях, особенности репродуктивного поведения.

С середины века ведущую роль в социологии семьи начинает играть структурный функционализм, рассматривавший семью как частный вариант социальной системы. Как таковая, семья, с одной стороны, представляет

собой определенную структуру – малую группу – создаваемую иерархией специфических роле-статусных позиций – мужа, жены, сыновей, дочерей, прародителей и т.д., а с другой стороны – социальный институт, обеспечивающий реализацию ряда общественно необходимых функций – репродукции, социализации и т.д. В зависимости от характера общества эти функции выполняются на базе различных семейных структур, что и обуславливает историческую эволюцию семьи. Для современного общества адекватна ему и поэтому оптимальна структура нуклеарной семьи.

В отечественной социологии семьи традиционно влиятельным было эволюционистское направление, представленное выдающимися исследователями М.М.Ковалевским, Л.Я.Штернбергом, П.А.Сорокиным, А.М.Золотаревым, М.О.Косвеню, Ю.И.Семеновым и многими другими. С 60-х годов начинаются многочисленные конкретно-социологические исследования семьи (по имеющимся оценкам, в 60-80-е годы их было порядка двухсот). В организации этих исследований, повышении уровня их методологической зрелости большую роль сыграли А.Г.Харчев и его ученик М.С.Мацковский, создавшие целую отечественную школу социологов-фамилистов. В 90-е годы появилась и первое отечественное пособие по социологии семьи: Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М., 1996.

РАЗДЕЛ V

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОБРАЗ ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ, ГРУППЫ И ОБЩЕСТВА

---

1. Труд как определяющая форма жизнедеятельности личности и общества

Всеобщие формы жизнедеятельности личности, группы и общества

Повседневную жизнедеятельность человека, обеспечивающую его естественное и социальное воспроизводство как индивида и личности, можно свести к четырем основным формам

социально необходимой деятельности – трудовой, бытовой, досуговой и сексуальной. Все четыре атрибутивно присущи обществу на всех этапах его развития, но атрибутивность эта разнопорядкова: бытовая и досуговая формы жизнедеятельности присущи любому человеку как нечто индивидуально совершенно необходимое: вне этих форм жизнедеятельности невозможно само поддержание жизни человека. Трудовая и сексуальная формы жизнедеятельности столь же всеобщы в плане их общественного проявления, но не всеобщы в отношении их присутствия в жизни конкретных людей: здесь они могут быть, а могут и отсутствовать в силу многообразных социальных и естественных обстоятельств (возраст, здоровье, особенности статуса, образа жизни, ментальности и т.д.).

Все указанные формы жизнедеятельности людей объективно равноценны для бытия общества, ибо оно возможно лишь с наличием их всех. Но

логически в меру масштаба и значимости решаемого круга задач на первый план среди них выдвигается безусловно труд.

**Объективные функции
труда**

Ибо труд, по известной характеристике К.Маркса и Ф.Энгельса, всеобщее условие, «первая предпосылка всякого человеческого существования», а соответственно, и всякого существования общества. Именно труд сделал возможным выделение общества из мира природы, а человека – из мира животных («создал самого человека»). Именно труд, удовлетворяя повседневные жизненные потребности общественного человека, выступает материальным базисом – «источником всякого богатства» – любого исторически известного общества. И как таковой является необходимым фактором общественного прогресса, одной из его главных движущих сил.

В социальном плане труд выступает генеральной связью человека с обществом, сферой утверждения и развития его личностных роле-статусных позиций (« порождение человека человеческим трудом»), а соответственно, и одним из ведущих факторов социальной структуры общества: «Труд и объединяет, и разъединяет людей, он – основание социальной структуры общества» (Человек и его работа. М., 1967. С. 19).

**Сущность и сущностные
черты (критерии) труда**

Но что же такое труд? Какова его сущность? В наиболее общей форме труд может быть определен как такая осмысленная деятельность людей, которая направлена на создание необходимых для них материальных и нематериальных продуктов. Из этого определения с необходимостью следует наличие целого ряда всеобщих сущностных черт трудовой деятельности, выступающих объективными критериями труда при его выделении из общего массива человеческой деятельности.

К их числу необходимо отнести, во-первых, то, что трудовая деятельность людей всегда осмысленно-рациональна по своей природе. Прежде чем приступить к определенному труду, человек всегда выстраивает какую-то субъективную модель предстоящей ему работы: формулируется ее цель, определяются пути и средства достижения этой цели, взвешиваются соотносимые масштабы затрат и результатов, возможные помехи, степень риска и т.д. Как бестолковый «мартышкин труд» оценивается в народной мудрости всякое забвение этого нормативного правила, четко отделяющего труд человека от любой изменяющей среду целенаправленной деятельности даже самых высокоорганизованных животных.

Соответственно, во-вторых, носителем трудовой деятельности – ее «субъектом» – может быть только человек, причем человек по необходимости общественный, т.е. наделенный в ходе социализации соответствующим социальным опытом и технологиями. Поэтому труд, даже сугубо индивидуальный – всегда общественен по своему характеру.

В-третьих, трудовая деятельность всегда созидательна, т.е. приводит к каким-то выраженным результатам, отвечающим поставленным целям – разнообразным «продуктам труда». Как противоестественное «черпанье воды решетом», «сизифов труд» оценивается противоположная ситуация той же народной мудростью.

В-четвертых, трудовая деятельность всегда утилитарна, связана с какой-то полезностью, важностью, необходимостью получаемого результата для человека. Но при этом обратное по своему содержанию утверждение: «всякая утилитарная деятельность есть труд» было бы неверным, ибо не всякая утилитарность имеет трудовую природу. Например, криминальная деятельность – «труд» «медвежатника» при взломе сейфа, террористические акции и т.п. – при всей своей «технологичности» к трудовой деятельности, по-видимому, не относятся. Иными словами, трудовая деятельность всегда не только лично-полезна, но и общественно-приемлема, хотя далеко не всегда общественно-полезна («любительский труд», «хобби»).

И в-пятых, трудовая деятельность не ограничена, вопреки широко распространенному мнению, только сферой материально-производственной деятельности. Наоборот, она присуща всем формам человеческой деятельности, т.е. в качестве «труда вообще» абсолютно универсальна в своей общественной представленности.

Содержательная структура труда С этим связана сложная содержательная структура труда, определяемая многообразием его конкретных типов, видов и родов, и, соответственно, многообразием конечных результатов – «продуктов» – труда. При этом определяющим, базисным типом труда, исторически первичным относительно всего его последующего содержательного многообразия выступает материальный (иначе: материально-вещественный, материально-предметный и т.д.) труд. По известному определению К.Маркса, этот труд «есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоения данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 195). Из данного определения очевидна основная особенность этого типа

труда – его двойственная социально-естественная природа. Материальный труд состоит в преобразовании человеком объектов природы по ее собственным законам с помощью средств труда, представляющим собой преобразованную природу. Причем, преобразователь – человек – по своему происхождению есть также объект природы. И полученные в процессе материального труда результаты – опять-таки преобразованные в интересах человека состояния природы, разнообразные материальные продукты. Отсюда атрибутивные признаки материального труда: наличие каких-то объектов природы в качестве предмета труда; обязательная орудийная (технологическая) вооруженность труда; предметно-вещественный характер результатов труда и изменение, развитие в ходе труда самого субъекта труда – человека. Частные подразделения – виды материального труда – чрезвычайно многообразны, но могут быть сведены в два больших подтипа материального труда: производственных видов материального труда: промышленный (с его историческим предшественником – ремесленным трудом), сельскохозяйственный, строительный и т.д. И непроизводственных видов материального труда: конструктивный, экспериментальный, медицинский, домашний (т.е. по бытовому самообслуживанию), любительский (досуговый) и т.д.

Очень рано возникает и другой тип трудовой деятельности – «духовное производство» (К.Маркс), обслуживающий человека и общество разнообразными духовными продуктами. Как таковое, «духовное производство» с непосредственным преобразованием природы связано редко (скульптура, резьба, чеканка и т.д.) и по общему правилу его результаты объективизируются в специальных формах социального опыта – письменности, символике, формулах, художественных образах, фольклоре, поведенческих нормах и т.д. Многообразными частными видами «духовного производства» выступают художественная, теоретическая, проективная деятельности, учеба, преподавание, священнослужение, шоу-бизнес и т.д.

С рождением цивилизации широкое распространение получает еще один тип трудовой деятельности – организаторский, с его многочисленными видовыми подразделениями – предпринимательством, посредничеством, менеджментом, государственным управлением, самоуправлением и т.д. Конечные «продукты» этого труда – согласованность коллективных действий и управленческие решения – предполагают особо высокую общественную ответственность по итогам деятельности, но с другой стороны, именно эта трудовая деятельность как раз часто и не воспринимается общественным сознанием в качестве труда. Показательна дискуссия двух героев романа Л.Толстого «Анна Каренина» – Левина и Облонского – по поводу работы

известного в те годы финансиста и строителя железных дорог: «(Левин): Разве это труд, чтобы добыть концессию и перепродать?

- (Облонский): Разумеется, труд. Труд в том смысле, что если бы не было его или других ему подобных, то и дорог бы не было.

- Но труд не такой, как труд мужика или ученого.

- Положим, но труд в том смысле, что деятельность его дает результат – дорогу».

В условиях индустриально организованного общества вместе со снижением общественной роли домашнего труда по бытовому самообслуживанию непрерывно растет общественная значимость т.н. «услуг», т.е. общественно-организованной трудовой деятельности по всестороннему обслуживанию потребностей населения. Сохраняют и усиливают свою значимость такие специфические виды трудовой деятельности, как «ратный труд», работа по поддержанию общественного порядка, судебная деятельность и т.д.

В рамках содержательной структуры труда обнаруживается также и совсем иное сечение этой структуры – родовое, представленное двумя качественно своеобразными родами трудовой деятельности: общественно организованным (даже если он представлен в форме индивидуальных мелких хозяйств – фермеры, ремесленники, надомники, торговцы и т.д.), объединяющим все те типы и виды труда, которые включены в систему общественного разделения труда, и трудом по бытосуговому самообслуживанию личности и семьи. Это сечение объективно обусловлено тем, что бытовое и досуговое трудовое самообслуживание имеет двоякий структурный статус: с одной стороны, это неотъемлемые частные выражения трудовой формы жизнедеятельности, а с другой стороны, столь же неотъемлемые составные элементы бытовой и досуговой форм жизнедеятельности. Их броское отличие в неоплачиваемом характере бытосугового труда.

Формальная структура труда

Поскольку всякий труд, с одной стороны, всегда телесен, антропологичен, т.е. предполагает включенность каких-то морфофизиологических структур человеческого организма

и их нервно-мышечных отправлений, а с другой стороны – всегда социален, включен в систему общественных взаимоотношений, то и всеобщие качественные формы существования «труда вообще» по необходимости также двояки по своей природе. В антропологическом плане всякая трудовая деятельность всегда представлена каким-то сочетанием физического и умственного труда, различающихся присущими им способами расходования рабочей силы человека: с преимущественной затратой мускульных или

нервно-психических усилий, а соответственно, и с преимущественной включенностью тех или иных морфофизиологических структур. В социальном плане всякая трудовая деятельность с рождения цивилизации реализуется на основе ее трех всеобщих форм: труда самостоятельного работника (предпринимательство, посредничество, мелкое собственное хозяйство, домашний труд, свободные профессии, досуговый труд и т.д.), наемного труда, представленного продажей рабочей силы человека в любых конкретных вариантах, и зависимого труда, обеспечиваемого внеэкономическими способами принуждения: рабство, крепостничество, трудовые мобилизации, труд заключенных и т.д. При этом надо иметь в виду, что в отечественной литературе всеобщие социальные формы труда в недавнем прошлом обычно обозначались термином «характер труда».

**Социально-психологическая
структура труда**

Сложная структура труда имеет и свою субъективную выраженность – социально-психологическую структуру труда, фиксирующую поведение

человека в процессе труда, его субъективное осознание этого процесса и своего места в нем. В рамках этой структуры обычно выделяются четыре ее главных элемента: Во-первых, процедура целеполагания соответствующей трудовой деятельности. Она включает в себя, с одной стороны, формирование как непосредственного ожидаемого результата, так и более далеких последствий этой деятельности. С другой стороны – построение необходимого плана действий по достижению искомого результата и, соответственно, в необходимых случаях проектирование его технологического обеспечения. Во-вторых, само отношение конкретного человека к труду как таковому. В общем плане это отношение сводится к внутреннему расположению человека к труду или к отсутствию такового, внутренней отчужденности от труда. Причем, указанная расположенность человека к труду, если она имеет место, по своей природе неоднозначна и может быть сведена к трем своеобразным трудовым ориентациям, получившим четкую выраженность в народном сознании: а) инструментальной, при которой человек заинтересован в труде лишь как необходимом средстве (оно может быть и неприятным, «трудным») достижения каких-то вне труда находящихся целей («горька работа, да хлеб сладок»). Частным вариантом этой ориентации выступает статусная («карьерная») ориентация, трактующая труд как средство достижения и поддержания каких-то статусных, карьерных позиций личности («служи, казак, есаулом станешь»); б) этической ориентации, рас-

смастривающей труд как нравственный долг человека («без дела жить – только небо коптить»), как нравственную необходимость, спасающую человека от разложения ленью и безделием («труд человека кормит, а лень – портит»). В многочисленных религиозных интерпретациях этой ориентации труд выступает как нечто угодное Богу, а в библейском (ветхозаветном) варианте – как реализация Божьего завета трудиться в поте лица своего, искупая первородный грех человека; в) ценностной ориентации, при которой наряду с ценностью результата труда самостоятельную значимость для человека представляет сам процесс труда как возможность реализации, развития и демонстрации своих личностных сил (способностей, творчества, интересов), как нечто само по себе интересное и захватывающее, приносящее чувство удовлетворения, радости, гордости за себя, свои возможности и работу («работомания»). В рамках ценностной ориентации труд выступает не просто средством достижения желаемых целей, и не только нравственной необходимостью, но и важной самоцелью жизнедеятельности, «первой жизненной потребностью» (Фурье, Маркс), «центральным жизненным интересом» (Р.Дабин), а сами «субъекты» этой ориентации воспринимаются общественным мнением как «трудоголики».

Рассмотренное разнообразие трудовых ориентаций в очень многом предопределяется не только многообразием личностных качеств человека, но и своеобразием типов и всеобщих форм труда: один и тот же человек применительно к разным типам труда может обнаруживать разные ориентации. «Трудоголизм» среди работников преимущественно умственного труда встречается существенно чаще, нежели среди работников преимущественно физического труда, а среди зависимых работников, по-видимому, вообще маловероятен («Своя ноша не тянет». Но: «Барской работы не переделаешь»).

В категории «отношение к труду» раскрывается общее отношение данной личности к труду вообще. В третьем элементе социально-психологической структуры труда – мотивации труда – раскрывается отношение человека к конкретной трудовой деятельности в конкретных же условиях ее осуществления. Мотивация бывает внутренняя и внешняя. К первой будет относиться вся совокупность внутренних побудительных именно к данному труду сил (потребностей, интересов, установок, ценностей и т.д.). Внешние факторы побуждения – «стимулы» (от лат. Stimulus – хлыст!) также разнообразны по своей конкретной природе – от прямого принуждения до соревновательного экстаза. При этом мотивация может быть не только положительной, т.е., побуждающей к действию, но и отрицательной, препятствующей каким-то трудовым действиям. Каждому типу и форме

труда, или, говоря точнее, отвечающим им социально-трудовым группам, обеспечивающих эти вариации труда (см. III-6), присущи свои типичные варианты мотивации, отражающие как специфику этих типов и форм труда, так и своеобразие соответствующих групповых статусов.

Завершающим, четвертым элементом социально-психологической структуры труда выступает специфическое эмоциональное состояние человека, возникающее по итогам его труда и принципиально вариативное по своему характеру: радости по поводу завершения данной тягостной для человека работы, чувство счастливой освобожденности от нее («жизнь начинается за проходной»); чувство радостного удовлетворения от результатов и хода работы, гордости за ее итоги; чувство возможной неудовлетворенности этими результатами, сожаление по поводу упущенного, сделанных ошибок и т.д. («хотели как лучше, получилось как всегда»).

Время как всеобщая

мера количественного бытия труда

Кроме рассмотренных выше качественных характеристик трудовой жизнедеятельности, существуют и ее количественные характеристики, наиболее абстрактной

из которых и, соответственно, наиболее приемлемой для характеристики «труда вообще» выступает временная продолжительность труда. Она имеет двоякую выраженность: «рабочего времени» как меры продолжительности участия работников в общественно организованном труде и «общей трудовой нагрузки» как меры продолжительности всей совокупности трудовой деятельности личности, включая не только рабочее время, но и временные затраты, связанные с работой (дорога, обеденный перерыв, приведение в порядок рабочего места и самого себя и т.д.), а также время, затрачиваемое на бытодосуговую трудовую деятельность.

Время, связанное с бытодосуговым самообслуживанием, мы рассмотрим позднее, в рамках соответствующих форм жизнедеятельности. Что же касается рабочего времени, то оно измеряется совокупностью часов в течение рабочего дня, недели и года, образуя соответственные суточные, недельные и годовые фонды рабочего времени. Их историческая эволюция противоречива: промышленная революция повсеместно сопровождалась значительным ростом рабочего времени за счет увеличения рабочего дня с обычных для средневековья 11-12 часов до 13-15 часов и сокращения числа нерабочих дней, приходящихся на церковные праздники. Но с середины XIX века начинается обратный процесс сокращения рабочего времени, инициируемый ростом интенсивности труда и рабочего движения: постепенно сокра-

щается рабочий день до 8-7 часового (первый восьмичасовой рабочий день был введен в нашей стране к концу 1917 г.), растет число оплачиваемых праздничных дней и появляются оплачиваемые трудовые отпуска. В целом в пересчете на год экономия рабочего времени в индустриально развитых странах составила за последнее столетие свыше тысячи часов.

**Занятость как всеобщая
мера вовлеченности населения в
трудовую деятельность**

Другой всеобщий количественный показатель трудовой деятельности – «общественно полезная занятость населения» фиксирует масштабы включенности населения в любую трудовую

деятельность как производственного, так и внепроизводственного порядка: служба в армии, учеба в трудоспособном возрасте, уход за детьми, инвалидами и престарелыми, ведение домашнего хозяйства и т.д. Частным, но при этом важнейшим видом общественно полезной занятости выступает «продуктивная занятость», охватывающая всю массу населения, вовлеченного в общественно организованный труд. И если общественно полезная занятость так или иначе присутствует в жизни практически каждого взрослого и здорового человека, то продуктивная занятость представляет собой гораздо более ограниченное в своих масштабах явление. Оно, во-первых, очень жестко ограничивается законодательно устанавливаемым в современном обществе трудоспособным возрастом (см. III.3), во-вторых, на масштабах продуктивной занятости сильно сказываются существующие в данном обществе традиции («жена должна быть дома»), сословные статусы и связанные с ними предрассудки (труд как бесчестье для «благородных»), специфика источников существования (доходы от собственности и помещенного капитала и т.п.). Наконец, в условиях индустриального и особенно формирующегося постиндустриального обществ продуктивная занятость сильно ограничивается – и во все растущих масштабах – отсутствием приемлемых рабочих мест, т.е. безработицей.

Для измерения продуктивной занятости используются показатели степени и уровня занятости. Под степенью занятости понимается доля занятых в общественно организованном труде («народном хозяйстве страны») в общей численности населения. Уровень занятости фиксирует долю занятости в общей численности трудоспособного по возрасту населения. Второй показатель более строг, ибо на конкретные характеристики первого сильно влияет общая демографическая обстановка в стране, в частности, уровень рождаемости: чем больше детей, тем ниже показатели степени занятости. И если в странах индустриально развитых с их «старой» возрастной структу-

рой степень занятости на рубеже 90-х годов составила около 45-48%, то в странах слаборазвитых с их «молодой» возрастной структурой этот показатель колеблется около 30-35%. Уровень же занятости в те же годы для обеих групп стран был достаточно близок, составляя для развитых стран 65-67%.

Специфическая и во многом уникальная продуктивная занятость сложилась в нашей стране в годы социализма. В силу исходного основополагающего принципа социалистической организации общества как общества трудящихся – «кто не работает, тот не ест» в СССР на конституционном уровне была закреплена нормативная установка на всеобщее участие в коллективно организованном (т.е. социалистическом) труде. Существование человека на любые нетрудовые доходы без достаточно весомых причин (болезнь, уход за детьми или больными) рассматривалось как правонарушение («тунеядство») и предполагало административные санкции. Соответственно, удельный вес вовлеченных в общественно организованный труд в СССР был самым высоким: к моменту распада СССР занятые составляли 51% населения и 84% его трудоспособной по возрасту части. С началом процессов капитализации российского общества показатели продуктивной занятости сразу же обнаружили тенденцию к падению и сближению с общемировыми для развитых стран значениями занятости: в середине 90-х годов степень занятости в России снижается до 45%, а ее уровень – до 76%.

Историческая эволюция труда

«Труд начинается с изготовления орудий»
(Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 20. С. 491).
Именно с их изготовления, а не просто с

использования в своих интересах каких-то предметов, что не редкость и для животных, начинается становление трудовой жизнедеятельности. В условиях первобытного общества для нее была характерна т.н. синкретичность труда, т.е. еще невыделенность, сращенность, слитность содержательных типов, видов и родов труда, с одной стороны, и антропологических форм его существования – физического и умственного труда, с другой. Базисной формой существования труда в условиях данного общества преимущественно выступал родообщинный коллективизм, построенный на началах «естественного», т.е. половозрастного разделения труда.

С рождением аграрной цивилизации родообщинная форма организации труда сменяется семейной формой («семейная экономика»), в рамках которой и происходит, с одной стороны, формирование в ходе общественного разделения труда вышерассмотренной многоплановой содержательной

структуры труда, а с другой – становление типичных именно для цивилизации социальных форм организации труда – самостоятельной, наемной и зависимой. Причем, если в аграрном обществе приоритетны были первая и последняя из них, то с рождением индустриализма на первый план выходит именно вторая – «работа по найму», ныне охватывающая 80-90% экономически активного населения развитых стран.

Каждая из исторических стадий цивилизации обнаруживает и собственные специфические тенденции в распределении продуктивной занятости рабочей силы. Так, для аграрного общества характерно сосредоточение основной массы занятых – до 97-98% – в сельском хозяйстве. В России 1913 г. сельская занятость составляла 75% общей занятости, в Австрии, Италии, Испании, Японии начала XX в. – около 60%, в Венгрии – 69% и т.д. Вместе с промышленной революцией приходит быстрый рост промышленной (и сопутствующей ей – в строительстве, транспорте и т.д.) занятости, причем основным источником ее роста становится столь же быстро сокращающаяся сельская занятость. Если в 1801 г. в Великобритании занятость в сельском хозяйстве составляла 36, а в промышленности – 30%, то столетием позже – в 1901 г. – она составила в сельском хозяйстве 9, а в промышленности – 46. В России 1913 г. занятость в промышленности составляла 9%, к 1989 г. она выросла до 39% при сокращении сельской занятости с 75 до 19%.

Но была и общая, объединяющая черта трудовой занятости в аграрном и индустриальном обществах: при всех подвижках в распределении занятых их основная масса оставалась сосредоточенной в сфере материального производства и обслуживающих его отраслей – строительства, транспорта и т.д. В 1850 г. доля занятых в материальном производстве США составляла 82 % общей занятости, в Великобритании – 74 %, в России 1913 г. – 86%. Но с середины XX в. в рамках зрелого индустриального общества, постепенно перерастающего в постиндустриализм, рождаются качественно новые сдвиги в распределении занятости: при продолжающемся процессе сокращения занятости в сельском хозяйстве (в 1991 г. в Великобритании таковых 2%, в ФРГ и США – 3% и т.д.) начинается сокращение и промышленной занятости, что обуславливает общее резкое сокращение занятости в сфере материального производства и массовый перелив рабочей силы в непроизводственную сферу – торговлю, услуги, здравоохранение, управление и т.д. Соответственно, в этой сфере сегодня в среднем занято около 60% рабочей силы, а в таких странах, как США (1996) – 74%, Великобритании (1989) – 69% и т.д. В СССР за период 1940 – 1989 г. доля занятых в сфере материального производства сократилась с 86 до 72%, а доля занятых в непроизводственной сфере, соответственно, выросла с 12 до 28%. По подсче-

там английского экономиста Т.Стонье, к 2010 г. в материальном производстве Великобритании будет занято не более 10 % трудоспособного населения страны.

Иными словами, вместе с формированием постиндустриального «информационного» общества существенно снижаются масштабы вовлеченности населения в привычные виды производственной группы материального труда, постепенно теряющей свое традиционное значение «станового хребта» трудовой деятельности (доля производства в ВВП США (1996 г.) – 24%, доля «услуг» – 76%), и столь же существенно растут масштабы вовлечения населения в информационные по своему содержанию типы и виды труда – в непроизводственную группу видов материального труда, в «духовное производство», в организаторские виды труда и т.д.

В 70-х годах обнаружение этой тенденции дало повод к рождению в зарубежной социологии пессимистической концепции «смерти трудового общества» (Р.Дарендорф, Д.Белл, К.Оффе и др.). Однако сегодня вполне очевидно, что реально имеет место не «смерть труда», а принципиальная смена его облика: трансформация из преимущественно производственного в преимущественно внепроизводственный труд, из преимущественно физического в преимущественно интеллектуализированный труд. О конкретных масштабах этого процесса в последней трети XX в. применительно к странам Западной Европы мы можем судить по следующей таблице (источник: Кузьмин С.А. Эффективная занятость населения. М., 1990. С. 45).

Структура отраслевой занятости в странах Западной Европы, %

	1964	1977	1990
Сельское хозяйство	24,4	17,1	14,1
Промышленность	37,7	35,7	33,4
Частный сектор непроизводственной сферы труда	21,2	23,7	26,2
Государственный сектор непроизводственной сферы труда	16,5	23,5	26,9

**Труд как объект научного
исследования**

Труд как определяющая форма жизнедеятельности личности и важнейшая сфера общественной жизни сегодня

изучается большим комплексом наук. Экономика труда, трудовое право, психология и физиология труда, гигиена и охрана труда, эргология (теория производительности труда), эргономика (теория оптимальных условий труда), социология труда как частносоциологическая теория социальных аспектов труда и т.д. Но при этом сохраняются две традиционные для исследований труда «большие» проблемы. Во-первых, при множестве наук, исследующих частные стороны трудовой жизнедеятельности, до сих пор не сложилось общетеоретической области знаний о труде, рассматривающей его комплексно, во всей системной целостности этой сферы общественной жизни. Делавшиеся иногда попытки истолковать социологию труда как именно такую общую теорию труда широкой поддержки не получили, ибо вступали в противоречие с отраслевым статусом этой науки в самой системе социологического знания (см. I-1). Отсутствие же целостных, системных знаний о труде как таковом, о «труде вообще» во многом порождает и поддерживает существование другой «болячки» – идущего еще из глубины веков и, к сожалению, поддержанного всем авторитетом марксизма отождествления труда с его частным, хотя и самым важным типом – материальным трудом. До наших дней, абсолютное большинство определений труда, в том числе в учебниках, словарях и энциклопедиях, исходит из того, что труд есть процесс преобразования природы в интересах человека. Соответственно трактуются его структурные элементы, цели, результаты и т.д. Такой подход к пониманию труда был ошибочен изначально, ибо игнорировал рассмотренную выше реальную многоплановость содержания и форм существования труда, но особенно нетерпимой становится эта ошибка сегодня, когда на первый план в системе трудовой деятельности все более выходят информационные типы и виды труда. В этой связи представляется перспективным возрождение и научный анализ практически забытых наукой идей Гегеля и Зиммеля «о труде вообще», о труде как всеобщей субстанции человеческого бытия, охватывающей все виды творческой активности человека. Эти идеи могли бы послужить отправной методологической базой при построении современной общесоциологической теории труда.

**2. Бытовая форма жизнедеятельности
личности и общества**

Если из общей совокупности календарного времени личности и общества – суток, недели, месяца, года – вычтеть рабочее время, т.е. время, затрачиваемое на общественно-организованный труд, то остающийся массив времени получает название внерабочего времени личности и общества. На что оно расходуется? Во-первых, на деятельность, необходимо сопутствующую трудовой занятости личности: передвижение до работы и обратно, подготовка к работе и приведение себя в порядок после нее и т.д. Во-вторых и главным образом – на бытовую и досуговую формы жизнедеятельности, играющие огромную роль в жизни как человека, так и общества, и как уже отмечалось, обладающих строго атрибутивной природой своего существования: вне этих форм жизнедеятельности общественная жизнь невозможна, ибо именно в рамках этих форм жизнедеятельности происходит удовлетворение всех необходимых для жизни человека материальных и духовных потребностей.

В рамках научного анализа явлений быта и досуга во второй половине нашего века сложился тройственный подход к их познанию. Так, для отечественной социологии оказался типичным «расширительный» подход к пониманию быта (В.Тугаринов, А.Харчев, Л.Гордон и др.). В его основе – отождествление бытовой формы жизнедеятельности со всей сферой внерабочей жизнедеятельности: «В широком смысле быт – уклад повседневной жизни» (Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 78). Досуг в таком случае оказывается частным состоянием быта. Но в зарубежной литературе преимущественно представлен иной вариант расширительности: со всей сферой внерабочей жизнедеятельности чаще всего отождествляется не быт, а досуг («свободное время»). Бытовая жизнедеятельность («повседневная жизнь», «жизненный мир») в таком случае выступает частным выражением досуга (см.: Аберкромби Н. и др. Социологический словарь. Казань, 1997. С. 81). В последние десятилетия в отечественной литературе заявил о себе и третий – «узкий» – подход к пониманию данных явлений (М.Перфильев, Е.Зуйкова, З.Янкова и др.). Согласно ему быт и досуг представляют собой две относительно самостоятельные формы жизнедеятельности личности и общества, ибо они решают качественно различные задачи жизнеобеспечения: бытовая жизнедеятельность ответственна за удовлетворение материальных, а досуговая – духовных потребностей.

Сущность и функции бытовой

формы жизнедеятельности личности и общества

Итак, в рамках «узкого» подхода под бытом будет пониматься лишь та об-

ласть внерабочей жизнедеятельности, которая связана с удовлетворением личностью именно материальных по преимуществу потребностей. К числу этих потребностей относятся как естественные (физиологические) потребности человека в пище, воде, физическом отдыхе, сне, тепле, поддержании здоровья, воспроизводстве потомства и т.д., так и, с другой стороны, большая группа социально-материальных потребностей личности в одежде, жилище, домашней утвари и т.п. Для обеих групп материальных потребностей характерна их непреложность, т.е. само существование человека вне их удовлетворения невозможно.

При таком узком и строгом понимании социальной природы быта становится возможным выделение ряда его специфических социальных функций, раскрывающих в своей целостности всю объективную значимость бытовой жизнедеятельности для бытия как личности, так и общества.

Во-первых, бытовая форма жизнедеятельности человека обеспечивает физическое производство и воспроизводство его собственной жизни. Другими словами, «на совести» быта вся сфера репродуктивности, охраны и восстановления здоровья, поддержания и восстановления жизненных сил и работоспособности человека, физический отдых и т.д.

Во-вторых, бытовая жизнедеятельность человека создает социальную базу его непосредственной жизни: одевает, обувает, обеспечивает крышей над головой и т.д.

В-третьих, именно в рамках бытовой жизнедеятельности обеспечивается материальное содержание и уход за детьми, инвалидами, престарелыми.

Естественно, что столь функционально богатая форма жизнедеятельности не может не оказывать большого воздействия на развитие личности человека, его физических и духовных возможностей, места в жизни, социального статуса. Причем, это воздействие может быть как позитивным, развязывающим человеку руки, так и негативным, эти руки связывающим: повсеместно наблюдаемый до сих пор более низкий профессиональный статус женщин сравнительно с профессиональным статусом мужчин во многом объясняется именно сложившимся неравенством в их бытовой задеятельности.

Структура бытовой формы жизнедеятельности

Так понимаемая бытовая жизнедеятельность обладает весьма сложной структурой своей организации. В ее

основе, как объективный базис всего остального, бытовая деятельность, т.е. совокупность всех тех процессов и отношений, которые возникают в ходе и по поводу личного материального потребления. Она включает, во-первых, сами процессы потребления личностью каких-то материальных благ и услуг: питание, сон, гигиенические процедуры, физический отдых, лечение и т.д. Во-вторых, бытовая деятельность включает всю работу по организации и обслуживанию личного материального потребления: приобретение и приготовление пищи, сервировка стола, уборка и мытье посуды, содержание в порядке, ремонт жилища, приобретение, изготовление одежды и обуви и т.д.

При этом, как сами процессы личного материального потребления, так и деятельность по их организации и обслуживанию в современном обществе существует в двух качественно различных формах: индивидуально-семейной, реализуемой в рамках специфической потребительской ячейки – домашнего хозяйства («домохозяйство»), и общественной. Причем последняя, как правило, имеет товарный характер и представлена целой совокупностью отраслей народного хозяйства – торговля, общественное питание, бытовое обслуживание, жилищное и коммунальное хозяйство, здравоохранение и т.д., получившей обобщенное название социально-бытовой инфраструктуры общества.

Второй очень важный элемент бытовой структуры – предметно-вещественная среда быта, с помощью и на основе которой и реализуется бытовая деятельность. Соответственно двум вышеуказанным формам существования бытовой деятельности и обслуживающая их предметно-вещественная среда быта будет также представлена двумя качественно очень различными формами: а) домашней предметно-вещественной средой – жилища, разнообразная домашняя утварь, продуктовые и другие запасы, мебель и т.д. и б) общественной предметно-вещественной средой быта, представляющей собой материально-производственную базу социально-бытовой инфраструктуры общества: помещения, технология, их предметное и ресурсное обеспечение и снаряжение.

Третий существенный элемент структуры быта – бытовое сознание, т.е. субъективный аспект бытовой формы жизнедеятельности, а соответственно, и бытовое поведение людей. К бытовому сознанию относятся многочисленные регулятивные нормы бытового поведения, в частности, в питании, одежде, отдыхе, сложившиеся ритуалы этого поведения («грузинское застолье»), потребительские ориентации («мода»), реклама, их формирующая, бытовые предрассудки («черный кот») и т.д.

**Быт как объект
научного исследования**

Исторически так сложилось, что сферы бытового сознания и домашней предметно-вещественной среды изучались преимущественно этнографами, социально-бытовая инфраструктура исследуется, в основном, экономикой непродушевленной сферы и социальной статистикой, особенности потребительского сознания – психологией потребления и теорией маркетинга. Складывающаяся во второй половине XX века социология быта по своему методологическому статусу должна была бы стать общей теорией бытовой жизнедеятельности, но пока что она сосредоточена на исследовании более частных проблем – личного материального потребления, домашнего труда, его обслуживающего, и бытовых социальных общностей.

**Уровень личного
материального
потребления**

Количественная характеристика процессов личного материального потребления дается в системе показателей, обобщенно называемой «уровень личного материального потребления» (В недавнем прошлом в этом смысле обычно использовался термин «уровень жизни». Но в современной мировой статистике он приобрел намного более широкий смысл). Важнейшими и наиболее общими из этих показателей являются показатели среднестатистического объема материального потребления и степени удовлетворения материальных запросов личности. В кризисных условиях большое значение приобретают более частные, но остро необходимые показатели минимальных значений личного материального потребления, позволяющего сохранить жизнь – прожиточного минимума, потребительской и продовольственной корзины.

С рассмотрения этих показателей и начнем. Согласно вступившему с 1 января 1998 г. в силу федерального Закона РФ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» под потребительской корзиной понимается минимальный набор продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности. Выделенный в самостоятельную единицу минимальный набор продуктов питания, призванный гарантировать ежедневное потребление на уровне 2700 ккал, называется продовольственной корзиной. Стоимостное выражение содержания потребительской корзины, периодически рассчитываемое как для страны в целом, так и регионально, причем в половозрастном разрезе, получило название прожиточного минимума. Предусмотренная при этом структура расходов в рамках этого минимума – на питание, непродовольственные товары, услуги и налоги – называется бюд-

жетом прожиточного минимума, или, иначе, минимальным потребительским бюджетом.

Более общую картину уровня материального потребления дают обобщенные показатели этого потребления и, прежде всего, показатель среднедушевого объема потребления материальных благ. Рассчитываемый в натуральном выражении на душу населения этот показатель, особенно в динамике ряда лет, способен дать вполне объективную картину состояния и реальных тенденций потребительских возможностей населения. Ниже (см. табл. 1) для иллюстрации сказанного приводятся данные, характеризующие объемы потребления населением России – СССР – РФ на протяжении XX в. продуктов питания. Для сравнения приведены данные по одной из развитых стран – Германии (1994) и рациональные нормы потребления продуктов питания, разработанные институтом питания РАМН.

Таблица 1

**Потребление основных продуктов питания
(на душу населения в год; кг)**

	Россия	СССР	РФ	Прод-корзина	Германия	Рац. нормы потреб.
	1913	1990	1996	РФ, 1996	1994	
Хлеб. продукты	200	133	97	131	74	105
Картофель	114	100	108	124	74	105
Ов. и бахч.	40	92	78	94	80	140
Фр. и ягоды	11	36	31	19	131	75
Мясо и м/пр.	29	67	48	27	87	70
Молоко и м/пр.	154	358	235	212	421	360
Яйца (шт)	48	258	173	151	218	265
Рыба и р/пр.	7	16	9	12	14	18
Сахар и к/изд.	8	45	26	21	33	35

Аналогичный анализ возможен и применительно к предметам культурно-бытового и хозяйственного назначения длительного пользования (см. табл. 2).

Таблица 2

**Динамика обеспеченности населения СССР-РФ предметами
культурно-бытового и хозяйственного назначения
длительного пользования (на 100 семей; штук)**

	1965	1970	1980	1990	1996	Рац. норм. погр.
Часы	319	411	518	574	617	600
Радиоприемники	59	72	85	96	102	160
Телевизоры	24	51	85	107	116	130
Магнитофоны	2	7	25	55	62	60
Фотоаппараты	24	27	31	33	38	60
Холодильники	11	32	86	92	95	112
Стиральные машины	21	52	70	75	81	85
Швейные машины	52	56	65	61	53	82
Электропылесосы	7	12	29	48	53	60
Легковые автомобили	1	3	10	19	31	31

Другой обобщенный показатель уровня личного материального потребления – степень удовлетворения материальных потребностей личности. Определенными индикаторами этой удовлетворенности могут служить разрабатывавшиеся в нашей стране с 60-х годов нормативы рационального, т.е. научно обоснованного потребления материальных благ (см. табл. 1, 2). Соотнеся их с уровнем фактического потребления, получаем коэффициенты удовлетворения соответствующих потребностей. Однако чаще выяснение степени удовлетворенности потребностей населения строится на субъективизированной основе выборочных опросов населения. Так, осуществленное Госстатом СССР в 1990 г. выяснение мнения населения страны об уровне потребления основных продуктов питания показало, что применительно к разным продуктам достаточным признавала свое потребление очень разная доля опрошенных: хлебные изделия – 97,7%, картофель – 72,2%, молоко и м/продукты – 56,3%, сахар – 48,4%, кондитерские изделия – 34,1%, овощи, фрукты – 28,3%, рыбу и р/продукты – 21,6%, мясо и м/продукты – 18,9%.

На степень удовлетворения потребностей личности непосредственное влияние оказывают два фактора: насыщенность рынка соответствующими материальными благами и услугами, что в свою очередь напрямую связано с состоянием национальной экономики и степенью включенности страны в

мирохозяйственные связи, и платежеспособность населения, определяемая сложившимися в данном обществе масштабами личных доходов. По общему правилу, в типичных для рыночно организованного общества условиях насыщенность рынка существенно опережает платежные возможности населения, ставя реализацию потребностей личности в прямую зависимость от ее доходов. Но в социалистический период истории нашей страны в специфических условиях планово-административной экономики сложилась прямо противоположная товарная ситуация: нарастающего с течением времени опережающего роста доходов населения. Это и привело к рождению и развитию трех главных «зол» в сфере потребления советского общества: хронического товарного дефицита все больших групп товаров, огромный массы «отложенных», т.е. неизрасходованных в связи с отсутствием товара, денежных средств и на этой основе – все пронизывавшего в сфере потребления теневого рынка. О масштабах растущего расхождения денежных ресурсов населения и реальных советских государственных товарных возможностей свидетельствует таблица 3.

Таблица 3

**Соотношение денежных вкладов населения СССР
в сберкассы и товарных ресурсов государства (млн. руб.)**

	1960	1970	1980	1990
Вклады в сберкассы	10,9	46,6	156,5	381,4
Товарные запасы	24,5	45,7	67,1	72,0

**Качество и культура
личного материального
потребления**

Свою содержательную характеристику процессы личного материального потребления находят в понятиях качества и культуры потребления. Они многоплановы.

Под качеством потребления понимается прежде всего конкретно-содержательная специфика этого потребления: «щи да каша пища наша», «сарафанная Россия» и т.д. Но в XX в. определяющими тенденциями материального потребления становятся интернационализация качественных характеристик потребления: общемировую стандартизированность приобретает одежда, домашняя утварь, продукты питания («молодежь выбирает пепси») и т.д.

Во-вторых, под качеством потребления очень часто понимается характеристика потребительских достоинств употребляемых продуктов, предметов

и услуг: телевизор может быть черно-белым и цветным, гостиница разных «звездочек» и т.д.

И в-третьих, качество материального потребления органично зависит от специфики структуры этого потребления. Под последней понимается соотношение трех главных статей бытовых расходов: на приобретение продуктов, непродовольственных товаров и оплату услуг; выражаемое в процентах от общей суммы бытовых расходов. При этом для характеристики материальных возможностей личности принципиальное значение приобретает сложившийся удельный вес расходов на питание, а в последние годы – и на товары краткосрочного потребления вообще. Чем ниже удельный вес этих расходов, тем выше потребительское качество жизни личности, зажиточнее ее положение. С 1950 по 1995 г. в США доля затрат на товары краткосрочного пользования (продукты питания, одежда, обувь, бензин, алкоголь, табак, предметы гигиены, лекарства и т.д.) сократились с 28 до 14%, что и засвидетельствовало объективным образом существенный рост качества потребления американцев во второй половине XX в. В нашей стране длительное время существовала та же тенденция: удельный вес расходов на питание и напитки, составлявший в 1940 г. 55,2%, к 1990 г. упал до 33,2%. Но в 90-е годы вместе с резко упавшей в ходе рыночных реформ платежеспособностью основной массы населения эта прогрессивная потребительская тенденция сменилась на противоположную: уже в 1992 г. расходы на продукты питания и напитки составили 51,6%, к 1995 г. они выросли до 54,5%, т.е. страна вернулась к структуре потребления полувековой давности. Для сравнения: рациональная структура потребления будет представлена следующей схемой расходов: на продукты питания – 30%, на непродовольственные товары – 47%, на оплату услуг – 23%.

Структура материального потребления очень чутка к размерам доходов личности. При минимальных доходах расходы на питание по необходимости составляют основную часть потребительских расходов (в бюджете прожиточного минимума РФ (1996 г.) – 68,3%), ибо потребление здесь направлено преимущественно на физическое выживание. Причем оно очень однородно по своему содержанию. С ростом доходов, во-первых, снижается доля расходов на питание, при этом меняется и потребительская структура самих продуктов питания: снижается потребление хлебо-крупяных изделий и картофеля, растет потребление высококачественных мясных и овоще-фруктовых продуктов питания. Во-вторых, с ростом доходов начинают сказываться многообразные индивидуальные предпочтения в потреблении, predeterminedенные полом, возрастом, семейным положением, образованием, профессией, социальной принадлежностью, местом жительства, качест-

вом жилья и т.д. Это ведет к формированию «потребительских классов» – совокупностей лиц с более или менее общей структурой потребления. И чем богаче данное общество, тем разнообразнее присущие ему потребительские классы.

И, наконец, еще одна важная качественная характеристика личного материального потребления – величина его издержек. Они определяются, с одной стороны, масштабом материальных потерь в процессе потребления (отходы, порча, брак, нерациональное использование и т.д.), а с другой – затратами труда в его временном выражении на организацию и обслуживание потребления.

Очень важный аспект материального потребления – особенности потребительского поведения людей – схвачен в понятии «культура потребления». Оно также многопланово. В нем фиксируются, с одной стороны, формальные процедуры процессов личного потребления, определенный «этикет» потребления («чайные церемонии» на востоке; «культура грузинского застолья» и т.д.). С другой стороны, в понятии «культура потребления» отражаются психологические составляющие потребления, специфика личностных потребительских установок: аскетизм, практицизм, «вещизм», скупость или «широта души» и т.д. Свое отражение в этом понятии находят и нравственно-эстетические, потребительские ориентации, позволяющие различать «хорошее» и «плохое», «красивое» и «некрасивое», что можно и что «нельзя» в практике потребления.

**Домашний труд как труд бы-
тового
самообслуживания**

Любые процессы материального потребления предполагают определенную практическую деятельность по их организации и обслуживанию. Если эта

деятельность протекает в индивидуально-семейной домашней форме, то она получает название домашнего труда. Подчеркнем: не всякая трудовая деятельность в домашних условиях, а лишь деятельность, связанная с самообслуживанием индивидуально-семейного материального потребления. Надомная хозяйственная деятельность, имеющая товарную ориентацию («семейная экономика»), будет вариацией общественно-организованного, а не домашнего труда.

Обычно выделяются следующие виды домашнего труда: покупки и услуги; приготовление пищи и ее потребления: сервировка, мытье посуды и т.д.; уход за помещением, мебелью, домашним инвентарем; уход за одеждой, обувью, бельем; работа в саду и огороде; уход за детьми, больными,

престарелыми. В историческом прошлом этот перечень был много длиннее, ибо включал в себя также изготовление одежды, обуви, домашней мебели и другой утвари, домашние заготовки и переработку продуктов, хлебопечение, содержание скота, птицы и др.

Вплоть до XX века домашний труд оставался чисто физическим ручным трудом, причем преимущественно женским. С XX в. ситуация постепенно меняется: домашний быт начинает насыщаться техникой, а вместе с этим растет участие мужчин в семейном самообслуживании. Однако многочисленные исследования конца века обнаружили и очевидные ограничения в этом прогрессе. С одной стороны, механизация быта действительно способствовала как облегчению домашнего труда, так и росту его производительности и эффективности. Но, с другой стороны, она лишь незначительно – на 15-20% – сократила временные затраты на домашний труд, ибо сама эксплуатация, ремонт и т.д. техники также требуют времени. Выяснилось, что и реальная мужская включенность в домашний труд, хотя и имеет место, но остается в целом незначительной. Исследование семей работниц ленинградских заводов в 80-е годы показало, что 81% домашней работы выполнялся ими самими, и еще 15,2% – матерями и свекровьями. Аналогичное исследование в 1994 году в Великобритании показало, что «только 20% работающих женщин сказали, что мужья делят с ними работу по дому, и 85% утверждали, что они почти всегда выполняли всю стирку, глажку и готовили еду» (Томпсон Дж.Л., Пристли Дж. Социология. Львов-Москва, 1998. С.187).

С учетом этих фактов представляется более оптимальным другой вариант реформирования быта, все более широко заявляющий о себе в странах Западной Европы. Он ориентирован на постепенное ограничение и вытеснение домашнего труда индустриально организованным общественным трудом учреждений и служб социально-бытовой инфраструктуры («социализация быта»). Безусловное преимущество этого пути реформирования быта в том, что он не просто облегчает, а устраняет значительную часть домашнего труда, сокращая соответственно временные и прочие затраты на него.

Другое важное следствие указанных выше исследований современного быта – в достаточно неожиданном обнаружении целой совокупности факторов, способствующих не сокращению, а напротив, значительному росту объемов домашнего труда. Так, с ростом числа безработных и, соответственно, с сокращением их материальных возможностей и ростом незанятого времени, происходит стабильное возвращение в семью ряда видов деятель-

ности, которые до этого обычно перепоручались сфере обслуживания, т.е. известная десоциализация быта. Британский профсоюз печатников на рубеже 90-х годов подсчитал, что безработные затрачивают в этой связи на дополнительный домашний труд не менее 12 часов в неделю. Существенный вклад в рост домашней занятости вносит и массовое устойчивое увлечение на Западе (и не только из соображений экономии) всевозможной домашней самодеятельностью в духе «сделай сам». На этой почве сложилась даже специализированная отрасль хозяйства, обеспечивающая всем необходимым домашних умельцев. Наконец, ощутимо сказываются на растущих объемах общенациональных балансов домашнего труда интенсивные процессы нуклеаризации семьи, по необходимости ведущие к множественному дублированию многообразных домашних занятий. В целом же находит безусловное подтверждение общий вывод из этих исследований: объем домашнего труда по общему правилу обратно пропорционален доходам семьи: чем выше доход, тем более социализирован и механизирован семейный быт.

Между домашним трудом и трудом общественно-организованным как двумя особыми родами трудовой деятельности существует как принципиальное совпадение в их общих сущностных и функциональных характеристиках, так и существенное различие в организации и функционировании. Первое и обуславливает рассмотрение домашнего труда как неотъемлемой составляющей трудовой формы жизнедеятельности. Второе – выделяет домашний труд в качественно особый род труда, принципиально отличный от общественно-организованного труда. Эту особую родовую природу домашнему труду придает, во-первых, его функциональное своеобразие по организации и обслуживанию индивидуально-семейного материального потребления, что и делает этот труд столь же неотъемлемой составляющей бытовой формы жизнедеятельности. Другая принципиальная особенность – нетоварный характер домашнего труда, а соответственно, и его неоплачиваемость. Кроме того, как нетоварный домашний труд не включается ни в расчет валового внутреннего продукта, ни в показатели продуктивной занятости. Т.е., формально говоря, для экономической статистики домашнего труда как бы и нет. Но как труд «особого рода» он входит и в содержательную структуру труда вообще, и в структуру общественно полезной занятости населения.

Время как количественная мера бытовой формы жизнедеятельности

Как и ранее рассмотренная трудовая форма жизнедеятельности, бытовая жиз-

недеятельность свое наиболее общее количественное воплощение также находит во временном выражении. При этом, с учетом своеобразия структуры бытовой жизнедеятельности, ее временные измерения осуществляются в двух основных вариантах. Во-первых и главным образом, в виде измерения временных затрат на домашний труд. Осуществляется в форме построения бюджетов и балансов времени домашнего труда. В бюджетах времени домашнего труда фиксируются распределения календарного времени суток, недели, месяца, года по различным видам домашнего труда в расчете на человека (в часах и минутах). В балансах времени домашнего труда фиксируется то же самое, но в расчете на социальную группу или общество в целом (в человеко-часах). Так, накануне распада СССР его население расходовало в год на домашний труд порядка 180 млрд. человеко-часов, что лишь немногим уступало временным затратам общества в народном хозяйстве. При этом на приготовление пищи уходило около 40% этого времени, на необходимые покупки и услуги – 20%, на уход за жильем, бельем и одеждой – еще по 15%.

В бюджетах и балансах времени домашнего труда получает наглядную выраженность как вся масштабность исторически сложившегося бытового полоролевого неравенства, так и реальный процесс его постепенного преодоления и сближения временных затрат обоих полов на домашний труд по мере насыщения быта домашней техникой и развития социально-бытовой инфраструктуры общества (см. таблицу 4).

Таблица 4

**Динамика затрат времени на домашний труд
у рабочих промышленности СССР (часы в неделю)**

	Муж.	Жен.
1930	15,0	38,3
1959	20,4	33,3
1976	17,3	26,6
1986 (г. Псков)	10,5	22,0

Гораздо реже строятся временные измерения – бюджеты и балансы – бытовой жизнедеятельности в целом, т.е. включая и затраты времени на собственно процессы потребления, физиологические в том числе. Примером построения такого бюджета времени могут быть результаты известного

Раздел V

Основные формы жизнедеятельности и образ жизни личности, группы и общества

советско-американского исследования 80-х годов, в ходе которого изучались временные затраты населения г. Пскова и г. Джексона (см. таблицу 5).

**Бытовые общности:
родство**

На основе бытовых связей и отношений сформировалась большая группа очень разных по своему конкретному характеру социальных общностей – родство, домохозяйство, соседство, группы инвалидов и домохозяек, потребительские общности (вегетарианцы, алкоголики, наркоманы), общества взаимопомощи и совместной бытовой деятельности (дачники, садоводы, цветоводы и т.д.) и т.п.. Древнейшая из этих общностей и единственно атрибутивная для истории человека – родство, т.е. совокупность лиц, связанных между собою общностью происхождения и браками. Соответственно, различаются кровные родственники и свойственники. В отношениях свойства состоят один из супругов и родственники другого супруга, а также родственники обоих супругов. Разнообразие возникающих при этом родственных (свойственных) состояний выражается с помощью т.н. статусных позиций родства, обозначаемых специальными терминами: зять – муж дочери или сестры; невестка (сноха) – жена сына или брата; тесть и теща – родители жены; свекор и свекровь – родители мужа; деверь и золовка – брат и сестра мужа; шурин и свояченица – брат и сестра жены и др.

Кровное родство, объединяя всех лиц, связанных генетической общностью происхождения (а также и усыновленных), биологически представляет собой открытую общность, не знающую каких-либо фиксированных границ: у каждого выделенного родственника есть еще родственники и так до бесконечности. Это всегда создавало определенные трудности для общественной жизни, поэтому уже исстари существовали конкретные социальные рамки, т.н. «системы родства», так или иначе ограничивавшие и упорядочивавшие кровнородственные связи. История общества знает несколько таких систем родства, в современном же обществе принята линейно-степенная социальная структура родства. Ее специфика – в различении двух линий – прямой и боковой – и степеней родства. Прямая линия представляет собою связь лиц, происходящих друг от друга. Боковая линия объединяет всех родственников, имеющих общего предка: брата и сестры, дяди и племянники и т.д. Степень родства фиксирует генеалогическое расстояние между родственниками. Соответственно, родители и дети-родственники первой степени, прародители и внуки – второй степени и т.д.

По отношению к каждому конкретному лицу также различаются ближайшие и дальние родственники (включая свойственников). Ближайшие

родственники представлены семью статусными позициями родства: мать, отец, брат, сестра, супруг, дочь, сын. Дальние родственники могут быть двоюродными, троюродными и т.д. Двоюродные – это ближайшие родственники ближайших родственников данного конкретного лица, троюродные – ближайшие родственники двоюродных родственников и т.д. В рамках двоюродности насчитывается 33 статусные позиции родства, в рамках троюродности их около двухсот. Учитывая, что многие статусные позиции – сын, дочь, брат, сестра и т.д. – могут заполняться несколькими лицами, общее число родственников оказывается весьма внушительным. При этом в силу объективности указанных связей для их существования не имеет значения осознание личностью этих связей.

На протяжении истории общественная значимость родственных связей не оставалась постоянной: она была определяющей для первобытно-родового общества, очень высокой, определяющей социальный статус личности, в сословно-кастовом обществе, и весьма ограниченной в современном обществе. В частности, резко сузился круг лиц, воспринимаемый обыденным сознанием в качестве родственников. Дальние родственники сегодня нередко иронично рассматриваются как «седьмая вода на киселе». Но при этом многие исследования родства, состоявшиеся в последние десятилетия как в нашей стране, так и зарубежом, засвидетельствовали и несомненную устойчивость родственных связей в современном обществе. Она порождается сохраняющимся и в современных условиях социально защитным и досуговым потенциалом родственности. Этим объясняется, например, и часто отмечаемая в современной литературе растущая значимость в ряде стран (США, Великобритания) т.н. «современной модификационной расширенной семьи», представленной кругом родственников и свойственников, живущих самостоятельно, но поддерживающих «широкие контакты в форме визитов, телефонных звонков и обмена услугами» (Аберкромби Н. и др. Социологический словарь. Казань, 1997. С. 191). Этим же объясняется и наблюдающийся в последние годы своеобразный ренессанс родственных связей и чувств на территории всего постсоветского кризисного пространства.

**Бытовые общности.
Домохозяйство и
соседство**

В ходе разложения родовых связей и становления индивидуализированного труда, частной собственности, семьи и других неотъемлемых атрибутов цивилизации складывается

и типичная для последней элементарная потребительская ячейка – домохозяйство. Под домохозяйством понимается простейшая бытовая структура, состоящая из одного или нескольких лиц, связанных общностью проживания

ния и домашнего хозяйства (бюджета). Основную массу домохозяйств образуют семьи, но домохозяйство не тождественно семье, ибо, во-первых, может быть представлено одинокими, а во-вторых, состоять целиком или частично из неродственников. Другими словами, если всякая семья всегда домохозяйство, то не всякое домохозяйство – семья. От домохозяйства, как потребительских (бытовых) ячеек нужно также отличать домашние хозяйства, представляющие собой единицы товарного хозяйства – фермерские хозяйства, хозяйства надомников-ремесленников, торговцев и т.д. При этом в доиндустриальном прошлом такое различие часто оказывалось затрудненным в силу сращенности производственных и бытовых функций в условиях семейно организованной экономики аграрного общества.

Современная статистика различает два качественно отличных типа домохозяйств: групповых и личных. Групповые домохозяйства представлены неопределенными совокупностями совместно проживающих лиц, объединяемых общностью источника средств существования и реализуемых социальных функций: дома-интернаты, тюрьмы, казармы, больницы и т.д. Личные представлены, в основном, хозяйствами одиноких и семейными, в том числе и с включением в их состав неродственников, прислуги, например. Личные домохозяйства по числу составляющих их членов подразделяются на одночленные, двучленные и т.д. Историческая эволюция количественного состава личных домохозяйств однозначна: сокращается число многочисленных домохозяйств, растет число одно- и двучленных домохозяйств. Так, в США в 1790 г. одиноко живущие люди составили лишь 3,7% домохозяйств, в 1900 г. – 5,1%, 1950 г. – 9,3%, 1985 г. – 20,6%. В России статистика домохозяйств появляется лишь в 90-е годы. Микрореперпись населения РФ в 1994 г. установила нижеследующую структуру российских домохозяйств: одночленные – 19,2%, двучленные – 26,2%, трехчленные – 22,6%, четырехчленные – 20,5%, пять членов и больше – 11,5%.

Вместе с рождением домохозяйств рождается и соседство как система взаимоотношений территориально совмещенных домохозяйств («соседская община»). На протяжении последующих тысячелетий основная функция соседства – поддержание территориально-групповой солидарности, взаимовыручки в противостоянии враждебному внешнему миру. Это очень сближает соседство с другой более крупной формой территориально-групповой солидарности аграрных времен – землячеством. И так же как землячество, соседство в условиях современного индустриально развитого общества с его сильной государственностью, урбанизацией, атомизацией и индивидуализацией личной жизни во многом утрачивает свое бывшее значение. Как показывают исследования 70-х годов, в современном городском много-

этажном доме «даже в среднем число соседей из других квартир, известных друг другу в лицо – 5 человек, известных по фамилии (имени) – 3 человека, по месту работы или профессии – 2,5 человека, известных с «моральной стороны» – 2,2 человека» (Баранов А.В. Социально-демографическое развитие крупного города. М., 1981. С. 117).

Основные тенденции исторического развития бытовой формы жизнедеятельности

Для истории бытовой формы жизнедеятельности характерны несколько определяющих ее тенденций. Главная из них – растущая с ходом истории автономизация бытовой жизнедеятельности.

Если в условиях архаического общества она еще целиком вплетена в недифференцированную общественную жизнь первобытного родового коллектива, то вместе с рождением семьи и домохозяйства начинает формироваться ее индивидуально-семейная форма, а в ходе становления общественного разделения труда и урбанизации появляются первые прообразы будущей социально-бытовой инфраструктуры – харчевни, цирюльни, бани, постоянные дворы и т.д. Но характерное для аграрной эпохи сосредоточение в руках семьи и домохозяйства производственных функций (семейная экономика) по необходимости вела к их переплетению с бытовой деятельностью. И лишь в условиях индустриального общества, в основном отделившего домашнее хозяйство от производства, бытовая деятельность, наконец, реализуется в «чистом» виде как деятельность личного материального потребления и его обслуживания.

Другая характерная тенденция – непрерывное сокращение видов и объема домашнего труда, постепенно перекладываемого на плечи социально-бытовой инфраструктуры. Современная семья практически избавлена от необходимости печь хлеб, содержать домашний скот, шить одежду и обувь, изготавливать мебель и различную утварь, заниматься ремонтом и т.д. Но это означает и превращение социально-бытовой инфраструктуры из периферийного сектора хозяйства в один из его наиболее развитых сегодня секторов.

И, наконец, еще одна очень важная тенденция истории быта: непрерывный рост качества бытовой жизни, качества потребляемых продуктов и услуг, их многообразия, качества бытового комфорта, причем с ростом и той массы населения, для которой такой быт становится доступным. Не случайно именно современное развитое общество получает с середины века название «общества потребления».

3. Досуговая форма жизнедеятельности личности и общества

Если мы продолжим начатую в прошлой теме процедуру вычитания из общего фонда календарного времени – суток, недели, месяца, года – конкретных временных затрат и последовательно вычтем теперь не только рабочее время, но и время, связанное с работой (передвижение, переодевание, личная гигиена, прием и сдача инструмента и рабочего места и т.д.), а также время, ушедшее на бытовую жизнедеятельность, то оставшиеся временные ресурсы составят т.н. «свободное время» личности и общества. Использование же этого времени образует содержание еще одной формы их жизнедеятельности – досуга.

Функции досуга

Таким образом, под досугом, или, строже, досуговой жизнедеятельностью понимается

вся та разнообразная деятельность, которая протекает за пределами обязательных («непреложных») для данной личности трудовых, сопутствующих труду и бытовых видов деятельности. При таком ее понимании сфера досуга оказывается очень широкой и весьма многообразной по своим проявлениям, но в целом ее можно свести к реализации трех больших и ответственных социальных функций:

Первая из них – функция реабилитации, восстановления израсходованных в ходе трудовой и бытовой жизнедеятельности сил. Внешне она аналогична соответствующей функции быта, но принципиально отличается от нее содержательно: в рамках бытовой реабилитации сил имеет место физический отдых, снятие физической усталости, мышечно-соматическая разрядка. Досуговая же реабилитация сил человека связана в основном с преодолением нервно-психической усталости, утомления, снятия стрессовых состояний, интеллектуальной и эмоциональной перегрузки мозга или, наоборот, его информационной ненасыщенности, «информационного голода». Досуговая реабилитация, в отличие от бытовой, преимущественно социальна в своем выражении.

Вторая функция – развития личностных качеств человека, его творческой самореализации, физической и духовной, т.е. все то, что К.Маркс очень точно охарактеризовал как «возвышающую человека деятельность». Особое место в ее рамках занимает вся та социализирующая по своей направленности деятельность, которая обобщенно именуется «воспитание детей» (воспитание, а не физический уход за детьми, являющимся функцией быта и частным случаем домашнего труда).

И третья функция – поддержание социальной солидарности, известной сплоченности людей разных социальных статусов на основе общих для них досуговых традиций и интересов. «Зрелища» как фактор общественной стабильности и снятия социальной напряженности были вполне оценены еще в античности.

Содержательная структура досуга С содержательной точки зрения современная досуговая деятельность представлена тремя типами возможного

досугового поведения – будничным, праздничным и отпускным. Каждый из них, в свою очередь, представлен разнообразными видами досуговой деятельности, выступающими элементарными единицами содержательной типологии досуга.

Первый из указанных типов досуга – будничный, характерен для повседневности, ориентирован преимущественно на домашний, индивидуально-семейный досуг, общение с близкими, воспитание детей. Тесно связан, можно сказать, «вплетен» как в трудовую, так и бытовую повседневную деятельность, в силу чего прерывист и кратковременен. Для будничного досуга особо характерны социально-статусные спецификации досуга, прежде всего классовые, образовательные, половые и возрастные. С будничным досугом в значительной мере связаны такие его содержательные виды, как самообразование, физзанятия, различные виды потребления культуры-чтение, телепросмотр, радиослушание, любительские виды деятельности, общественная работа, религиозные отправления, бездеятельный отдых и т.д.

Праздничный досуг – альтернатива обыденности, «освобождение от будней», от их трудовой и бытовой рутины, приземленности и «серости» досуга, переключение человека на принципиально иной праздничный стиль жизни – как правило, коллективный, с объединяющей всех какой-то общей идеей и отвечающей ей специфической ритуальностью. Меняется сам образ жизни – меньше сна, «дома», больше «улицы», веселья, застолья, развлечений, меньше всякого официоза, больше раскованности чувств и поведения,

«карнавала». Совершенно особенна роль праздников в поддержании общественной солидарности и формировании необходимых для данного общества ценностных ориентаций. Это было осознано еще на заре цивилизации и очень широко использовалось в практике тоталитарных обществ XX века.

В рамках праздничного досуга необходимо выделять его смягченный подтип – досуг выходного дня. Ему присуща некоторая переходность и сращенность будничного и праздничного. Для досуга выходного дня типична более высокая внесемейность – посещение родных, знакомых, зрелищ, участие и посещение спортивных мероприятий, выходы «на природу», дачные поездки и т.д. Существенно больше времени уделяется любительству, общественной работе, религиозным ритуалам, развивающим занятиям.

Праздники известны человечеству с каменного века. Выходные дни – с рождения цивилизации и сопутствующих ей мировых религий. Третий, отпускной тип досуга ведет свою историю с XX века, сразу заняв в современном досуге очень важную нишу, продолжительного, от 1-2 до 6-8-недельного, преимущественно выездного (туризм, курортный отдых, дальние родственные связи), а также дачного и профилактически-оздоровительного досуга. Особое место в отпускном досуге принадлежит общению с детьми и родственниками.

Рассмотренные типы досуга характерны для образа жизни занятых общественно организованным трудом. Образ жизни незанятого этим трудом населения, естественно, предполагает иное содержание и иные временные возможности досуговой деятельности. Так, вместе с рождением на заре цивилизации избыточного продукта рождается и т.н. «праздничный досуг» верхушечных слоев населения. На многие тысячи лет он становится главной социальной привилегией этих слоев населения, но одновременно – и основой умственного труда как такового. С рождением на рубеже XIX-XX веков пенсионного обеспечения по старости, а с середины XX века – массовой хронической безработицы возникают требующие специального анализа проблемы «вынужденного досуга» и связанного с ним «незанятого времени». К концу XX века эти проблемы окажутся в центре внимания социальных служб и мировой социологии досуга, их непреходящей болью.

Формальная структура досуга – Всеобщими формами реализации рассмотренного функционального и содержательного многообразия досуговой жизнедеятельности выступают т.н. «формы досугового времяпрепровождения». Среди них:

- досуговая рекреация (отдых), т.е. «процесс восстановления психофизиологического баланса человеческого организма». (Культурно-досуговая деятельность. М., 1998. С. 434). Соответствующая реабилитация физических и умственных сил, восстановление способности человека к продолжению трудовой и бытовой жизнедеятельности в данном случае достигается как пассивным расслаблением организма, так и, наоборот, активными видами рекреационной деятельности: прогулки и другие виды отдыха на воздухе, посещение зрелищных учреждений, физические упражнения, танцы и т.д. Различаются ежедневная, еженедельная и ежегодная рекреации. Они отличаются: временной продолжительностью; типичным местом проведения: по месту жительства, в местных досуговых учреждениях, с выездом за пределы обычного проживания; содержанием соответствующих видов досуговой деятельности. Особая ситуация – рекреация неработающего населения. Она требует отдельного рассмотрения;

- развлечения. Эта форма досуговой реабилитации и времяпрепровождения внешне близка к рекреации, но содержательно вполне самостоятельна. Классик и один из основоположников социологии досуга французский социолог Ж.Дюмазедье так определяет их специфическое функциональное место в системе досуга: если отдых избавляет человека от усталости, то развлечения избавляют его от скуки, от рутины повседневности, от недостаточной для мозга информационной насыщенности жизни. Причем, если для работающей части населения в соотношении «усталость – скука» приоритетна, как правило, усталость, то для его неработающей части приоритетна, наоборот, скука, что и порождает в соответствующих социальных условиях нередкую специфическую социально-психологическую депрессию личности, известную под названиями «сплин», «хандра», «тоска» и т.п. И особенно злободневной эта ситуация становится именно сейчас, в условиях быстро растущего массива вынужденного свободного времени у вытесняемой из сферы труда все большей части трудоспособного населения;

- досуговое общение, т.е. свободное (добровольное) межличностное взаимодействие, осуществляемое с помощью живой или письменной речи, мимики, и предполагающее, как правило, обратную связь. С позиции общаемости все виды досуговой деятельности могут быть подразделены на: обязательные, существующие лишь на базе общения (беседы, переписка, прием и посещение гостей); факультативные, с возможной, но не обязательной общаемостью (прогулки, просмотр телепередач, посещение зрелищ и т.д.); солитарные, не предполагающие или даже прямо исключают общение (чтение, музицирование);

- «потребление культуры», т.е. восприятие и освоение накопленных человечеством культурных ценностей в ходе чтения, просмотра и прослушивания теле-, видео- и радиопередач, посещения зрелищных учреждений, выставок, концертов и т.д.;

- игровая деятельность, т.е. «свободная деятельность, являющаяся формой самовыражения субъекта и направленная на удовлетворение потребностей в развлечении, удовольствии, снятии напряжений» (Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 205). Ставя человека в режим соревновательности, нередко имитируя в условной форме «острые», в том числе и жизнеопасные ситуации, мобилизуя физические и психологические (интеллектуальные и эмоциональные) ресурсы человека, на «границах флага» сочетая нормативно-допустимое и инновационное в поведении, игра возбуждает многообразные переживания, способствует смене впечатлений, общей «встряске» как самих играющих, так и наблюдающих («болеющих») за игрой:

- досуговый («любительский») труд, т.е. разнообразная трудовая деятельность, совершаемая в добровольном порядке («по зову души», «для интереса») и не имеющая товарной или бытовой ценности: содержание комнатных животных, разведение цветов, рукоделие, самодеятельное творчество (техническое, художественное, опытническое и т.д.), самообразование, любительский спорт, общественная работа и т.д. Своей нетоварностью досуговый труд напоминает домашний труд, но принципиально отличается от него фактом заинтересованности человека именно в личном осуществлении данного труда. Иными словами, если любой вид домашнего труда в принципе может быть реализован и на наемно-товарной основе (ребенка можно отдать в детсад или пригласить няню и т.д.), то «любительский» труд никому и ничему перепоручен быть не может. Несмотря на значительные масштабы досугового труда и его растущую общественную значимость, в сегодняшней общепринятой статистике общей трудовой нагрузки личности и общества досуговый труд никак не учитывается, что, естественно, не отменяет его объективного присутствия в этой общей трудовой нагрузке.

**Сущность
и сущностные черты (критерии) досуга**

Такова функциональная, содержательная и формальная феноменология досуга. А какова его сущность? Полной ясности в этом вопросе пока еще нет. Но, согласно предложенной еще

в середине XX в. французским социологом Ж.Фридманом весьма убедительной концепции, сущность досуга – в своеобразной социальной компен-

сацией личности за жесткую детерминированность и материализованность ее поведения в пределах трудовой и бытовой форм жизнедеятельности. Преобладание грубо физических и рутинных форм труда, внешняя зависимость, стандартизованность, монотонность существования человека в этих сферах во многом компенсируются его активной самореализацией в сфере досуга.

Отсюда – ряд закономерных, сущностных черт досуговой жизнедеятельности:

– во-первых, индивидуализированная самооценочность (самонаправленность) досуговой деятельности. Если свое участие в труде, а во многом – и в быту – человек может поручить кому-то еще, то досуг может быть реализован исключительно им самим. По меткому замечанию В.В.Радаева, «никому не придет в голову нанимать человека, чтобы он смотрел за вас телевизор».

– во-вторых, преимущественно произвольный характер досугового времяпрепровождения, т.е. повышенная в его рамках свобода личности как от выраженной внешней обязательности и жесткой регламентированности поведения, так и в самом выборе форм, места, времени и т.д. досуговой деятельности. В сфере досуга человек более, чем где-либо, перестает быть просто винтиком общественной машины, он более чем где-либо выступает автономной личностью, «самостью». Со времен Аристотеля с этим связана и общепринятая характеристика времени досуга лично свободного человека как «свободного времени».

Из сказанного очевидно, что в так понимаемом «свободном времени» реализуются оба аспекта социальной свободы – как «свободы от...» (негативная свобода), т.е., в данном случае, свобода от всякого рода внешней заданности, регламентации, принудительности («обязаловки») в досуговой деятельности, так и «свобода для...» (позитивная свобода), свобода выбора качественных и количественных параметров досугового поведения. Причем, если первая образует объективный фундамент возможностей второй, т.е. чем меньше внешних ограничений, тем больше свобода выбора, то конкретный характер досуга, его содержание, направленность, общая культура досуга будут определяться именно вторым, позитивным (в чисто логическом смысле этого термина) аспектом свободы.

Однако, как и в общественной жизни в целом, никакой абсолютной свободой досуговое поведение личности, естественно, не обладает. «Досуг ... содержит в самом себе дуализм свободы и управления, личной воли и принуждения» (Джери Д. и Дж. Большой толковый социологический словарь. М., 1999. Т.1. С.195), ибо как его качественные, так и количественно–

временные характеристики сильно детерминированы существующими общественными условиями. Среди них на первый план, безусловно, выдвигаются технологические характеристики общества. Именно они определяют, во-первых, реальные масштабы свободного времени, находящегося в распоряжении общества и его конкретных социальных групп: чем совершеннее технология, тем ниже затраты времени на производственную и бытовую деятельность и, соответственно, выше общественные ресурсы свободного времени, а во-вторых, реальное содержание (состав видов) досугового времяпрепровождения, характерного для данного общества. Вполне очевидна технологическая подкладка массового чтения, туризма, спорта, просмотра кинокартин, радиослушания, телевидения, компьютерного досуга. Соответственно, досуг в развитых странах на рубеже XX-XXI вв. очень мало напоминает и по своему конкретному содержанию, и по своим временным возможностям досуговое времяпрепровождение населения этих же стран хотя бы вековой, тем более – тысячелетней давности.

На личностном уровне определяющую роль в детерминации досуга играют социальные условия, социальный статус личности, ее половая, возрастная, национальная, брачная, профессиональная, имущественная, образовательная и т.д. принадлежность. Именно эти статусные характеристики личности существенно предопределяют, как мы далее увидим, и ее содержательные предпочтения, ориентации в досуговом времяпрепровождении, и ее реальные ресурсы свободного времени. Подводя итоги рассмотренной диалектики свободы и необходимости в досуговой жизнедеятельности, мы можем сделать следующий вывод: досуговое поведение личности протекает в рамках очевидного противоречия между жесткой детерминированностью досугового времяпрепровождения общественными условиями и сохраняющейся, тем не менее, возможностью индивидуального досугового выбора, свободным волеизъявлением личности.

И, наконец, третья сущностная черта досуговой жизнедеятельности состоит в общей ориентированности досуга на развернутое всестороннее удовлетворение именно духовных потребностей личности и, соответственно, на широкое «потребление культуры», позволяющее не только преодолевать стрессы, усталость, рутину, скуку, но и выходить за пределы привычной обыденности, развивать духовные и физические качества личности. В этом заключается еще одно прямое отличие досуга от быта, ориентированного, как мы видели, на удовлетворение, главным образом, материальных потребностей.

Культура досуга

Для каждой личности характерны какие-то индивидуализированные предпочтения

в проведении досуга, своя совокупность особенностей досугового времяпрепровождения, ее специфическая личностная ориентированность или, как принято говорить, своя «культура досуга». В понятии «культура досуга личности» фиксируется, таким образом, субъективно-индивидуализированное отношение человека к наличествующим возможностям проведения досуга. Но поскольку досуговая жизнь сильно детерминирована, как мы видели, внешними и статусными условиями, то и своеобразии предпочтительных досуговых ориентаций личности, как правило, может быть сведено к нескольким типично-всеобщим обобщенным моделям культуры досуга.

Так, по содержательному своеобразию направленности досуговых интересов личности обычно выделяются деятельностная и бездеятельностная модели проведения досуга. Для первой из них характерна непосредственная включенность личности в какие-то формы досугового времяпрепровождения и, соответственно, проигрывание каких-то социально-досуговых ролей – человека играющего или наблюдающего («болеющего») за игрой, танцующего или ожидающего приглашения к танцу, читающего, смотрящего фильм, беседующего и т.д. При этом сама «непосредственная включенность», как это уже видно из приведенных примеров, неоднозначна: в одних случаях – играя, танцуя, читая, беседуя и т.д. – человек выступает необходимым субъектом данной досуговой деятельности, т.е. вне его ее нет. И тогда мы имеем дело с еще одной моделью культуры досуга – активным досугом. Но столь же возможна культура пассивного досуга, при которой человек включен в какую-то досуговую деятельность в роли ее заинтересованного, но внешнего участника («наблюдателя») – зрителя, слушателя, «болельщика» и т.д. И активная, и пассивная модели культуры досуга представляют собой частные вариации более общей деятельностной модели досуга. Прямой антитезой последней выступает культура бездеятельностного досуга, для которой характерно отсутствие сколько-нибудь сознательного включения личности в какую-либо досуговую деятельность. В повседневной лексике обнаруживается очень богатое отражение оттенков этого досугового времяпрепровождения: «безделье», «ничегонеделанье», «праздность», «покой», «шататься» («шляться»), «валяться», «расслабиться» и т.д.

В формальном разрезе досуговые предпочтения представлены моделями домашнего (семейного) и внедомашнего, а также индивидуального и коллективного досуга. В зависимости от целевых задач различаются культуры

развивающего и развлекающего типов досуга, в зависимости от социальных последствий – позитивная и негативная модели культуры досуга. Первая из них остается в рамках общественно допустимого досугового времяпрепровождения, вторая связана с ослаблением (или даже утратой) социального контроля, необходимо приводящего к разнообразным фактам досуговой аномии и антикультуры.

Для каждого конкретного общества, в зависимости от его историко-стадиальной, формационной и цивилизационной принадлежности, характерно свое специфическое сочетание и проявление этих всеобщих моделей культуры досуга, т.е. своя собственная типичная для данного общества культура досуга. В современном обществе, констатирует британский «Социологический словарь», «существует множество способов проведения досуга, но обычно его проводят дома 70% мужчин и 80% женщин – главным образом за телевизором» (Аберкромби Н. и др. Социологический словарь. Казань, 1997. С. 81). В этих словах схвачено главное – типичная для современного капиталистического общества досуговая ориентация на преимущественно развлекательный домашний пассивный отдых с преобладающим потреблением готовых продуктов средств массовой информации. О закономерности для этого общества именно такой культуры досуга можно судить на опыте нашей страны: вместе с началом ее капитализации в 90-х годах за считанные годы в основных чертах уже сформировалась культура новой России именно этого типа.

**Социальная
дифференциация
досуга**

В социально стратифицированном обществе многообразие ролестатусных позиций закономерно предопределяет и необходимую социальную дифференцированность досуговой

практики, ее качественные отличия применительно к конкретным социальным группам. Эта дифференциация многогранна. Она выражается, во-первых, в неравных объемах самого свободного времени, находящегося в распоряжении соответствующих групп: его всегда больше у нетрудовых слоев населения, у мужчин сравнительно с женщинами, у молодых и старых сравнительно со зрелыми возрастными, у холостых и неженатых сравнительно с семейными и т.д. Между тем «объем свободного времени человека существенно влияет на состав этого времени, т.е. на то, каким видам деятельности оно отводится» (Минц Г.И. Критика буржуазных теорий свободного времени. М., 1971. С. 16). Исследования свободного времени свидетельствуют, что время, затрачиваемое на такие виды досуговой деятельности, как чтение, воспитание детей, дружеское общение, игры, прогулки и т.п., на-

прямою определяется располагаемым объемом этого времени. Многие виды досуговой практики – туризм, спорт и физические нагрузки, самообразование, любительский труд и т.д. – вообще доступны лишь тем, кто обладает значительными ресурсами свободного времени.

Во-вторых, социальная дифференциация досуга выражается и в специфическом строении самой календарной структуры наличествующего свободного времени. Так, в СССР в 80-х годах у занятых работой в промышленности 44% свободного времени приходилось на рабочие дни, 48% – на выходные и праздничные дни и 8% – на очередной отпуск. Естественно, что у других слоев населения – занятых в сельском хозяйстве, на транспорте, учебной, у пенсионеров, домохозяек и т.д. календарная структура свободного времени была иной и в каждом случае по своему специфичной.

И, в-третьих. Наибольшая социальная дифференциация досуга характерна для его качественных характеристик, наглядно свидетельствующих о глубоких расхождениях в досуговых интересах и предпочтениях представителей разных социальных групп и, прежде всего, классов. По авторитетному мнению Н.Смелзера, «классовые различия особенно отчетливо проявляются в сфере досуга. Представители высшего класса охотнее посещают концерты и спектакли, чем принадлежащие к низшему классу, и они больше читают... Люди из высшего класса в свободное время занимаются спортом, а представители низшего – предпочитают роль зрителей на спортивных состязаниях». Даже круг чтения будет различен: «Люди из высшего класса в большей мере интересуются научными трудами и биографиями, читатели из среднего класса предпочитают книги о любви и семейной жизни, низшие классы больше привлекают юмористические и приключенческие рассказы» (Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 288-289). В целом, у представителей высших классов больше свободного времени и большие материальные возможности в его употреблении. Отсюда – и большее разнообразие в формах досуга и большая ориентированность на их элитные виды.

И.А.Бутенко в конце 90-х годов провела исследование специфики досуга у богатых и бедных (с 10-кратным разрывом в доходах) российских граждан (см.: Социологические исследования. 1998. № 7). Оно подтвердило: досуг у богатых разнообразнее и содержательнее, а его структура существенно отличается от структуры досуга бедных. Богатые в полтора раза больше читают, в пять раз чаще посещают зрелищные и самодеятельные учреждения, в 2,2 раза чаще ходят на спортивные мероприятия, в 1,8 раз – рисуют, поют, играют на музыкальных инструментах, в 1,2 раза – ходят в гости и принимают гостей. Но: они в 1,3 раза меньше гуляют, в 1,4 раза –

занимаются спортом, вполтину реже смотрят телевизор. При этом и смотрят его по-другому: с акцентом на информационные программы, художественные фильмы, ток-шоу, телесериалы. Бедные информационные программы смотрят на четверть реже, художественные фильмы – на треть реже (но музыкальные фильмы – втрое чаще), ток-шоу – на треть реже, научно-познавательные передачи – в полтора раза чаще, телесериалы – в 2,5 раза реже, публицистику – в пять раз чаще. Конечно, за всеми этими досуговыми различиями стоят не только имущественные различия. Нельзя забывать и главной особенности современной российской бедности: она представлена самой образованной частью населения. И это позволяет понять повышенный интерес бедных к науке и публицистике при повышенном равнодушии к телесериалам.

Очень сильно на специфике досуговых ориентаций сказывается трудовой статус личности. Во-первых, сами располагаемые объемы свободного времени личности строго производны от ее занятости или незанятости в сфере труда; и в случае занятости – от величины рабочего времени. Во-вторых, качественная специфика труда во многом предопределяет качественную специфику досуга. И в частности, чем выше квалификационный и должностной статус работника, тем, в среднем, разнообразнее и содержательнее его досуг. И наоборот, малоквалифицированный и рутинный труд ведут к примитивизации досуга, его ориентированности на бездеятельный отдых, «расслабление», упрощенную развлекаловку, «человек попадает в ловушку: обедненная работа и обедненный досуг» (Кравченко А.И. Социология. М., 1996. С. 161).

Столь же сильно влияют на качественные особенности и объемные параметры досугового времяпрепровождения половой, возрастной, семейный, образовательный и многие другие статусы.

**Свободное время как
количественная мера
досуговой формы
жизнедеятельности**

Также как и выше рассмотренные трудовая и бытовая формы жизнедеятельности, досуговая жизнедеятельность свое наиболее общее количественное выражение находит во времени, затрачиваемом

личностью, группой, обществом в целом на досуговую деятельность. По уже известным нам причинам время досуга получило название «свободного времени» и статистически характеризуется тремя основными параметрами: объемом (величиной), календарной и содержательной структурами.

Объем свободного времени измеряется совокупностью часов и минут в сутках, неделе, месяце, годе, образующих, соответственно, суточные, не-

дельные, месячные, годовые фонды свободного времени. Абсолютные показатели этих фондов всегда строго производны от сложившейся в данном обществе величины рабочего времени, времени его обслуживания, бытовых временных затрат. В этом смысле свободное время носит «остаточный» характер и глубоко исторично в своих показателях. Цитированная Аристотелем греческая пословица гласила: «нет досуга для рабов», да и свободные труженики этого общества, «имея лишь скудные средства к жизни, не в состоянии пользоваться досугом» (Аристотель. Соч. Т. IV. С. 495). Отдых в этих социальных условиях не выходит еще за чисто бытовые физиологические пределы физической регенерации затраченных сил. По подсчетам американского экономиста С.Кузнеця, при типичной для эпохи промышленной революции 78-часовой рабочей неделе свободное время работника практически равнялось нулю. При 67-часовой неделе (вторая половина XIX века) недельный фонд свободного времени работника составлял 11 часов, с переходом к 48-часовой неделе – 30 часов. В современных индустриально-развитых странах усредненное среднесуточное (с учетом выходных дней) свободное время составляет 4-5 часов у работающих мужчин и 3-4 часа у работающих женщин, а годовой фонд свободного времени работающего (и учащегося с отрывом от производства) населения, с учетом праздничных дней и отпусков, составляет 16-21% общегодового фонда времени (1700-1900 часов в абсолютном исчислении). Это сопоставимо с фондом рабочего времени и примерно вдвое превышает фонд свободного времени столетней давности.

Календарная структура свободного времени, т.е. его календарные распределения, также глубоко исторична. В доиндустриальном обществе свободное время работающего (естественно-свободного) населения концентрировалось отчасти в конце будних дней, а в основном в нерабочие дни светских и религиозных праздников. В развитом современном обществе ситуация меняется в связи с сокращением суточного рабочего времени, появлением внутринедельного блока выходных дней («уик-энд») и трудовых отпусков, что существенно преобразовало саму календарную структуру досуга: так, в СССР в 80-х годах у занятых работой в промышленности 44% свободного времени приходилось на будние дни, 48% – на выходные и праздничные дни, и 8% – на очередной отпуск. Подобный структурный разброс свободного времени обусловил рождение двух новых досуговых феноменов: массового повседневного вечернего отдыха и досуговой миграции – отпускной и еженедельной маятниковой (дача, «на природу»).

Содержательная структура свободного времени представляет собой распределение этого времени между соответствующими досуговыми видами деятельности и конкретно представлена, во-первых, бюджетами свободного времени, фиксирующими это распределение в расчете на человека (обычно как представителя той или иной социальной группы) за сутки или неделю, и, во-вторых, балансами свободного времени, фиксирующими то же самое в расчете на социальную группу или общество в целом за год.

В таблице 1 представлены для примера суточные бюджеты свободного времени работающего населения городов Псков и Джексон (США), позволяющие получить сравнительную картину распределения свободного времени в двух странах – СССР и США – в 80-х годах:

Таблица 1
Суточные бюджеты свободного времени работающего населения городов Псков и Джексон (США), минуты в день недели

	Псков		Джексон	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Самообразование	6,6	7,5	10,3	15,3
Общественная деятельность	10,5	6,5	19,5	26,6
Зрелища и общение	40,7	37,0	78,7	82,6
Спорт и активный досуг	35,2	32,4	32,7	24,5
Время, затраченное на СМИ, в т.ч.:	198,7	137,1	170,8	151,5
- телепросмотр	124,3	91,3	138,2	118,2
- прослушивание радио	2,1	0,4	4,7	0,7
- чтение газет	14,1	5,9	14,4	12,0
- чтение книг	30,5	20,8	2,6	8,4
- чтение журналов	4,8	3,3	7,7	6,8
Пассивный отдых	21,8	14,9	0,5	0,2
Всего суточный фонд свободного времени	291,4	220,0	311,9	300,4

В таблице 2 представлены суточные бюджеты свободного времени работающего населения г. Москвы в их исторической динамике – 1930 г. и 1985 г., – наглядно свидетельствующей как о реальном росте в истекшие годы суточного фонда свободного времени, так и о сохраняющемся, хотя и в более мягкой пропорции, существенном половом неравенстве в использовании этого времени.

Таблица 2

**Суточные бюджеты свободного времени
работающего населения г. Москвы 1930 и 1985 гг.
(на 1 работающего, часы-минуты в день недели)**

	1930		1985	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Посещение зрелищных учреждений	0-16	0-07	0-14	0-18
Телепросмотры и прослушивание радио	0-32	0-07	2-34	1-39
Чтение	0-37	0-16	0-46	0-23
Любительский труд	0-02	0-01	0-07	0-03
Прогулки	0-40	0-18	0-41	0-38
Физкультура и спорт	0-14	0-02	0-08	0-04
Прочее	2-15	0-24	0-30	0-12
Всего суточный фонд свободного времени	3-37	1-15	5-00	3-17

Динамика досуговых предпочтений — Важное место в анализе досуговой жизнедеятельности занимает выяснение досуговых предпочтений (ориентаций) личности и группы, т.е. выяснение удельного веса конкретных форм досугового времяпрепровождения, исчисляемого в виде процентов к общему израсходованному фонду свободного времени (см. таблицу 3).

Таблица 3

**Статистика досуговых предпочтений населения ряда городов СССР
в 80-х годах, % к общему фонду свободного времени**

	Мужчины			Женщины		
	Псков	Керчь	Караганда	Псков	Керчь	Караганда
	1982	1982	1987	1986	1982	1987
Образование и самообразование	5,1	8,6	4,6	7,5	10,3	5,0
Общественная деятельность	3,0	0,2	1,0	2,3	0,5	1,5
Посещение учреждений культуры и отдыха	3,0	4,6	2,5	2,1	3,9	1,7
Общение	7,6	8,0	8,0	9,3	8,4	9,7

Спорт и активный отдых	10,3	19,9	7,2	14,4	21,2	11,1
СМИ (вкл. чтение)	57,3	41,4	64,3	51,0	36,6	60,0
Пассивный отдых	7,4	8,3	6,5	7,0	11,5	5,9
Передвижение	6,3	9,0	5,9	6,4	7,6	5,1

Досуговые предпочтения могут быть выявлены и в прожективной форме, – как ответ на вопрос о возможном времяпрепровождении при наличии соответствующих для этого условий. Сравнивая полученные прожективные намерения с реальной структурой досуговой практики, мы получаем возможность приобретения информации о субъективной стороне этой практики – степени удовлетворенности ею данного лица или группы.

Досуговые предпочтения с течением времени меняются, что также находит свою четко фиксированную выраженность в статистической динамике этих предпочтений. Так, если в 60-х годах для досуга наших горожан приоритетными были, в порядке перечисления, чтение, телевидение, физические нагрузки, пассивный отдых, то в 80-х годах на первое место выходит телевидение, на второе – пассивный отдых, на третьем оказывается общение и лишь на четвертом – чтение.

Важно также учитывать степень участия личности в конкретных видах досуговой деятельности, ибо хотя общий набор имеющихся форм досугового времяпрепровождения обычно весьма велик, степень конкретного участия во многих из них очень ограничена.

Социология досуга

Социология досуга – частная специальная социологическая теория, исследующая сущность, структуру, историю, закономерности функционирования и развития досуговой формы жизнедеятельности. Принадлежит к числу старейших областей социологического знания, ведя свою историю от работ К.Маркса и Т.Веблена. Характеризуется повышенным интересом к теоретизированию вообще и проблемам методологии в частности. Среди последних – настойчивая многолетняя работа по обретению теорией досуга достаточно адекватного понятийного аппарата, позволяющего надежно описать исследуемую досуговую реальность в логически строгих терминах. Дело в том, что длительное время, а отчасти и сегодня, досуговая сфера общественной жизни воспринималась «как свободное от работы вре-

мя», т.е. как внерабочее время в его целом. Но это означало, во-первых, объединение «под одной крышей» двух качественно разных форм жизнедеятельности – бытовой и досуговой, – а во-вторых, досуг оказывался формой времяпрепровождения лишь работающей части населения. С середины века в этой связи все чаще под досугом стали понимать часть вне рабочего времени, остающегося после вычета бытовой деятельности. Но этим устранялась только первая из указанных трудностей. И лишь в последние десятилетия широкое признание получает идущая еще от Маркса идея свободного времени как «времени, которым можно располагать», ибо оно свободно от «естественной необходимости или социальной обязанности» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., II. Т. 26. Ч. III. С. 265-266), т.е. свободного от всякого рода трудовых и бытовых «непреложностей». В западной социологии этот рациональный подход к трактовке досуга во многом связан с именем французского социолога Ж.Дюмазедье, а в отечественной социологии – с именами С.Г.Струмилина и Б.Л.Грушина.

Но у рассматриваемого вопроса есть еще один понятийный аспект: соотношение понятий «досуг» и «свободное время». От Маркса идет еще одна широко воспринятая отечественной мыслью идея: досуг есть лишь часть свободного времени, связанная с восстановлением сил (отдыхом) и развлечениями. Другую часть свободного времени составляет развивающая («возвышающая») культурная деятельность. В принципе ничего ошибочного в такой постановке вопроса нет, это вопрос терминологии, но в современной мировой, а также и в отечественной социологии преобладает позиция, отождествляющая указанные понятия. «В западной социологии практически эти понятия слились», – констатируется в словаре «Современная западная социология» (М., 1990. С. 90). В рамках этого слияния в мировой терминологической практике сейчас определено преобладает использование термина «досуг», термин же «свободное время» используется в основном для характеристики принципиальной специфики досуга как «свободной» деятельности и как мера количественного выражения досуга.

В 50-70-х годах социология досуга пережила своеобразный «бум», вызванный резко усилившимся общественным интересом к досуговому времяпрепровождению в связи с ростом объема и кардинальной перестройкой календарной структуры свободного времени. Социология досуга отразила эти перемены, во-первых, лавинообразным ростом эмпирических исследований досуговой практики и личностных предпочтений, а во-вторых, рождением целой группы родственных теоретических позиций, получивших обобщенное название концепции «общества досуга» (или «цивилизации

досуга»). Основное теоретическое содержание этой концепции, изложенной в трудах французских социологов Ж.Урдэна, Ж.Фурастье, Ж.Дюмазедье, Г.Шельского (ФРГ), Д.Ризмена (США) и др., можно свести к трем тезисам:

– в силу сократившегося к середине XX в. рабочего времени и, соответственно, выросшего свободного времени именно досуг, а не труд заполняет теперь основное жизненное пространство человека;

– в этой связи происходит быстрая смена главных жизненных ценностей и ориентаций человека: вчера это были ценности труда и ориентация на трудовой образ жизни, в рамках которого досуг – лишь компенсационный отдых от труда и подготовка к новому труду; сегодня – это ценности досуга и ориентация на самоценный досуговый образ жизни, при котором труд – лишь необходимое средство обеспечения досуга («жизнь начинается за проходной»);

– в этих новых условиях сама социальная идентификация личности и, соответственно, социальная структура общества складываются под определяющим влиянием особенностей досуга личности.

Рассмотренные идеи активно обсуждались в мировой социологии и к 90-м годам в основном были отвергнуты как сильно упрощенные и абсолютизированные: к концу века стало вполне очевидным, что реально имеет место не «смерть трудового общества», а глубочайшие преобразования в характере общественно-организованного труда, связанные с его массовой интеллектуализацией, переливом из производственной сферы в непроизводственную, а также с растущим взаимопроникновением труда и досуга, особенно в сферах творческого, научного и организаторского труда.

При этом, естественно, сохраняется и «непрерывное центральное значение работы» в жизни человека (Джери Д. и Дж. Большой толковый социологический словарь. М., 1999. Т.1. С.194). В этой связи большинство современных исследователей досуга, «признавая особую роль досуга в современном обществе, предпочитают, однако ... говорить лишь об обществе с развитым досугом» (Современная западная социология. Словарь. М., 1990. С.91).

В нашей стране социология досуга с 60-х годов принадлежала к числу наиболее развитых областей отечественной социологии. Определяющую роль в этом сыграли фундаментальные высокотeorетические работы В.Я.Артемяева, Б.Л.Грушина, Л.А.Гордона, Г.Е.Зборовского, Г.И.Минца, Г.П.Орлова, В.Д.Патрушева и др. Несомненно, высокая теоретическая культура отечественных исследователей в области досуга во многом была связана с творческим использованием богатейшего теоретического наследия К.Маркса по вопросам свободного времени, наследия, объективно ставящего

Маркса в положение одного из ранних предшественников современной социологии досуга. Теоретический вклад Маркса в теорию досуга может быть сведен к следующим тезисам:

– свободное время (термин «досуг», как уже отмечалось, Маркс использовал для характеристики частной формы свободного времени – отдыха и развлечений) представляет собой такую же необходимую форму жизнедеятельности личности и общества, как труд и быт, ибо человеку объективно «необходимо время для удовлетворения интеллектуальных и социальных потребностей... для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, даже для празднования воскресенья» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. II. Т.23. С.244, 274);

– объем свободного времени, находящегося в распоряжении общества, всегда историчен и зависит от «степени развития производительных сил» (Там же. Т.47. С.336);

– с ростом производительности труда на основе технического прогресса в обществе будущего «свободное время всех возрастет... Тогда мерой богатства будет отнюдь уже не рабочее время, а свободное время» (Там же. Т.46. Ч.II. С.217). И этот прогноз был сделан полтора столетия назад!

– растущее свободное время выступает одним из оснований всестороннего развития личности и прогресса общества, ибо создает «простор для развития всей полноты производительных сил отдельного человека, а потому также и общества» (там же. Ч.46. Ч.II. С.216-217).

В современной российской социологии досуга (В.Д.Патрушев, И.А.Бутенко и др.) основное внимание сосредоточено на прослеживании перемен в содержании и количественных характеристиках досуга россиян в связи с происходящими в стране процессами капитализации общества.

4. Сексуальная форма жизнедеятельности личности и общества

Рассмотренные выше основные формы жизнедеятельности личности и общества – трудовая, бытовая, досуговая – обладали известной автономностью своего существования, наглядно выявляющейся в факте наличия у них

собственного времени – рабочего, бытового, досугового («свободного»). Сексуальная форма жизнедеятельности или, как чаще, хотя и менее строго ее именуют – сексуальная культура общества, принципиально отличается от них именно тем, что она по своей природе синкретична, т.е. органично вплетена во все эти формы (даже – трудовую!) жизнедеятельности, неразрывно слита с ними. А соответственно и лишена какой-либо собственной самостоятельной временной выраженности – «времени секса». Этот специфичный для сексуальности синкретизм заявляет о себе и фразеологически – распространенной семантической двусмысленностью обыденной лексики, например, в словах «гулять», «спать», «хотеть», «лежать», «кончить», «завестись» и многих других. (Более того, сам термин «двусмысленность» имеет безусловный сексуальный контекст). Именно эта вписанность, синкретичность сексуальности и мешала длительное время ее осознанию и выделению в качестве еще одной, причем столь же важной для жизни личности и общества, сферы жизнедеятельности.

Другое серьезное препятствие в научном анализе сексуальной культуры – сложившаяся в странах европейско-христианской культуры фактическая запрещенность, строжайшая табуированность всего, что связано с сексом, а соответственно и «непристойность» любого его изучения и обсуждения. Почему до сих пор изучение сексуальных проблем дало столь незначительные результаты, – задавал в начале века вопрос основоположник психоанализа З.Фрейд, очень много сделавший для научного прорыва в сексуальность. И отвечал: «Дело в том, что все сексуальное «имеет характер скрываемого неприличного» и потому ко всем его проблемам «имеется совершенно особое отношение, которое распространяется на теорию и мешает их научной оценке» (Фрейд З. Основной инстинкт. М., 1997. С. 52, 538). Практически все первые исследователи сексуальной проблематики на рубеже XIX-XX в.в. и даже середины нашего века – Р.Крафт-Эбинг, З.Фрейд, Г.Эллис, М.Хиршфельд, П.Мантегацца, А.Кинзи оказались в положении травимых обществом изгоев, и лишь развернувшаяся в индустриально развитых странах во второй половине XX века сексуальная революция позволила изменить это положение.

Но вместе с началом активных исследований сексуальной жизнедеятельности обнаружились и серьезные внутренние помехи этим исследованиям. Первая из них – сложившееся не только в обыденном, но и научном сознании и очень устойчивое отождествление сексуальных отношений с межполовыми. Между тем, это хотя и пересекающиеся, но вполне автономные сферы общественной жизни. Система межполовых отношений была нами рассмотрена в теме «Половая структура общества» и никакая сексу-

альная тематика при этом не присутствовала. С другой стороны, далеко не всякая сексуальность связана с отношениями полов и поэтому выстраивать понятия полового и сексуального в режиме подчиненности одного другому, или, тем более, их тождественности, значит допускать большую ошибку, в принципе исключающую возможность адекватного анализа как одного, так и другого.

Проблема сущности сексуальности – Еще одна определившаяся трудность – в отсутствии сколько-нибудь общепризнанного в науке и общественной практике понимания

сущности сексуального, а соответственно, и сохраняющаяся неопределенность в понимании его границ и внутренней структуры. В целом, с известным упрощением, можно выделить три противостоящих друг другу методологических подхода к познанию сущности сексуального.

Во-первых, прокреативный, связывающий сущность сексуальности в основном с продолжением рода. «В основе всякой половой любви лежит инстинкт, направленный исключительно на будущее дитя... Соображение, которое здесь бессознательно руководит нами, это – возможность деторождения вообще» (Шопенгауэр А. Метафизика половой любви. В кн.: Психосексология. М., 1998. С.123-124). «При половой любви собственно настоящая цель влечения – размножение рода» (Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия. М., 1996. С.22. Первое издание – 1886 г.). В 1968 г. Папа Павел VI в своей энциклике специально подчеркнул, что для всех христиан смысл половых отношений состоит исключительно в реализации библейской заповеди «плодитесь и размножайтесь». Прокреативный подход был единственно допустимым в зажатой ханжеской моралью науке недавнего прошлого. Его очевидным слабым местом было принципиальное игнорирование всей той многообразной сексуальной деятельности, которая не сводима к функции продолжения рода.

Отсюда, как преодоление этой ограниченности, становление второго, инструментального подхода к пониманию сущности секса. У его истоков – знаменитый немецкий философ И.Кант: «Половое общение – это взаимное использование одним человеком половых органов и половой способности другого, естественное (благодаря которому создается существо, им подобное) или противоестественное, которое есть общение или с лицом того же пола, или с животным» (Соч. Т.4. Ч.2. М., 1965. С.191-192). Наука XIX в. в основном «не заметила» «непристойного» кантовского подхода, но в XX в. он получает широкое признание и развитие. Так, уже в наши дни (1998 г.)

Верховный суд США в целях нормативизации правовой практики принимает такое юридически строгое и содержательно более богатое определение секса: «Личность вступает в половые отношения, если она осмысленно принимает участие или инициирует контакт с гениталиями, задним проходом, пахом, грудью, внутренней стороной бедра или ягодицами любой личности». Однако и в таком, гораздо более развернутом определении, сохраняется принципиальный недостаток любого инструментально построенного определения: предлагаемые ими критериальные перечисления активизируемых в ходе сексуальной деятельности органов всегда оказываются неполными в сравнении с реальной практикой сексуальной жизнедеятельности. И действительно, в том же определении Верховного суда США ничего не говорится, например, о поцелуях, объятиях и т.д. И тем не менее, это секс или не секс? И будут они являться именно «сексуальным домогательством», имея место «при исполнении обязанностей» или же нет?

С рубежа XIX-XX вв. ведет свою историю третий методологический подход к познанию сущности сексуального, получивший в литературе название «рекреационного». У его истоков – З.Фрейд, один из родоначальников научной сексологии. Отметив, что сексуальность в наших знаниях желательнее отделить от «слишком тесной связи с гениталиями», Фрейд предложил рассматривать ее в более общем виде, а именно как совокупность всех тех действий индивида, которые объединены общей целью приведения себя и возможного партнера в специфическое психофизиологическое состояние, обычно именуемое сексуальной удовлетворенностью (или разрядкой). В современном энциклопедическом справочнике «Сексология» (Минск, 1993. С. 267) мы в этой связи читаем: секс – это «совокупность телесных, психических и социальных процессов и отношений, в основе которых лежит и посредством которого удовлетворяется половое влечение». Главное достоинство подобных определений – в их широте, хорошо преодолевающей отмеченные ограниченности других подходов. Главный и очень существенный недостаток – в фактической содержательной неопределенности такого сведения сущности сексуального к чисто эмоциональным характеристикам типа «половое влечение», «сексуальное удовлетворение» и т.д. Поскольку же, как известно, эмоциональные состояния логически не определяемы (что такое «вкусно» или «приятно?»), то, следовательно, рекреационные определения секса имеют смысл лишь в рамках их апелляции к нашему субъективному сексуальному опыту.

Антропогенез и эволюция Почти все млекопитающие (исключительно – некоторые приматы, например, морфофизиологии и функций сексуального

мер, гиббоны) строго ограничены в своих копулятивных (совокупительных) возможностях особыми периодами морфофизиологического состояния самок, определяемых циклическими процессами созревания яйцеклеток и соответствующей им готовностью самок к спариванию и оплодотворению («течка»). В другое время «состояние их репродуктивной системы полностью исключает половое общение» (Алексеева Л.В. Полицикличность размножения у приматов и антропогенез. М., 1977. С. 172). Но это означает, что в мире животных присущая им потребность в половом совокуплении реализуется исключительно в целях и рамках процесса репродукции. По остающимся до сих пор неизвестными причинам уже у наших далеких предков – палеоантропов среднего палеолита состоялась кардинальная перестройка всего морфофизиологического полового аппарата, устранившая эту взаимозависимость телесного совокупления – применительно к человеку оно получило название «коитус» – и репродукции. Конкретный механизм этой перестройки также неизвестен, но последствия ее для жизни человека были фундаментальны: автономность коитуса от процедур репродукции существенно расширила его функциональные возможности, сформировав помимо сохраняющейся репродуктивной и совершенно новую, собственно человеческую функцию сексуального – гедонистическую, т.е. сексуального наслаждения. По подсчетам известного сексолога В.Рейха из примерно 5 тысяч половых контактов, выпадающих в среднем на долю современного человека, лишь несколько десятков непосредственно ориентировано на цели репродукции. И эта очевидная гедонистическая направленность человеческой сексуальности, заявившая о себе очень давно, предопределила ее принципиальную несопоставимость с копулятивными процессами в мире животных.

Она же предопределила и другую важнейшую особенность сексуальности человека – исключительное многообразие проявлений его сексуальной жизнедеятельности, ее стадий, типов, видов, форм, в своей целостности образовавших многоплановую сексуальную культуру человечества.

И еще одна принципиально важная особенность сексуальности человека – ее социализированность, органическое единство, слитность биологического и социального в сексе человека.

Социальная детерминация сексуальной активности личности Эта социализированность многообразна. Она заявляет о себе уже жесткой

подконтрольностью самой сексуальной активности личности условиям ее социальной жизни. Еще ранние христианские источники обращали внимание на возможность ограничения сексуальных влечений обильным, до изнеможения, трудом. Древнееврейские религиозные традиции, устанавливая нормативный минимум сексуального общения в браке, также напрямую связывали эти нормативы с особенностями трудовой жизни мужчины: если не работает – то ежедневно, занят физическим трудом – не реже двух раз в неделю, занят умственным трудом – не реже раза в неделю. Сегодняшняя статистика секса не оставляет сомнения: чем выше трудовая вовлеченность человека, тем пассивнее он в сексе. Американские источники, констатируя падение в США женской сексуальной активности в последние несколько десятков лет, единодушно связывают это с рождением именно в эти годы массовой женской трудовой занятости. В сегодняшней России становление класса собственников сопровождалось появлением «болезни новых русских»: взрывным ростом мужской сексуальной апатии. На Западе этот феномен давно известен под показательным названием «синдрома менеджера».

Американские исследователи выявили и существующую зависимость между уровнем доходов и сексуальной активностью мужчин, что отражено в предлагаемой таблице (источник: Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 289). На вопрос: какова для вас оптимальная частота половых сношений, ответы распределились следующим образом:

	Доход, доллары США			
	Ниже 10 тыс.	10-15 тыс.	15-25 тыс.	Свыше 25 тыс.
Чаше одного раза в день	10	13	10	11
5-7 раз в неделю	28	25	23	25
3-4 раза в неделю	30	35	40	32
1-2 раза в неделю	13	18	20	23
2-3 раза в месяц	6	7	5	6
1 раз в месяц и реже	2	2	1	2

Очень сильно на активности сексуального общения сказывается специфика моральных и религиозных убеждений, продолжительность брачной жизни («семейное привыкание»), даже время, проведенное у телевизора: чем оно выше, тем ниже, по исследованиям французских социологов, сек-

суальная активность. Очень своеобразно заявляет о себе влияние эротики: вопреки расхожему мнению, чем выше эротическая насыщенность среды, в частности, чем больше в окружающей человека жизни всякой телесной обнаженности, тем ниже (а не выше!) его реальная сексуальная возбуждаемость. Наложение подобных многообразных социальных обстоятельств и обуславливает обнаруживаемый современными исследователями очень выразительный разрыв в среднестатистической для конкретных обществ сексуальной активности личности: если в Испании или Таиланде за значительное время среднегодового числа коитусов близко к 70, то в Италии или Канаде – около 100, в Германии и Великобритании – порядка 120-130, во Франции, России, США – на уровне 130-140, в отдельные годы – до 150.

**Социальная детерминация
сексуальной культуры**

Социальная детерминированность сексуальности человека заявляет о себе также безусловной содержательной

зависимостью сексуальной жизнедеятельности от конкретных социальных условий жизни общества. В исторически и социально различных обществах мы находим совершенно разные (во многих случаях – альтернативно разные) конкретные «сценарии» сексуальной жизни человека, принципиально разную «культуру секса», т.е. присущие человеку данного общества (и социальной группы) традиции, установки, нормы сексуального поведения, сложившиеся навыки сексуальной техники, особенности половой морали, т.е. более или менее общепринятые в данной общественной среде представления о том, что «хорошо» и, наоборот, «плохо», что в сексе «можно», а что – «нельзя». Бесконечное историко-этнографическое многообразие накопленного человечеством сексуального опыта «позволяет понять, что человеческая сексуальность – не простая биологическая данность, а культурно-исторический феномен, который разные народы конструировали по-разному» (Кон И.С. Вкус запретного плода. М., 1997. С. 118).

Но в рамках этого беспредельного эмпирического многообразия сексуального опыта за десятки тысяч лет его существования сложились и вполне определенные, достаточно общие и устойчивые черты организации сексуальной культуры человечества в ее системной целостности. Как и любые другие сложные социальные явления, сексуальная жизнедеятельность обладает своей общечеловеческой содержательной, формальной и стадийной структурой; отработанной техникой исполнения, едиными социальными формами регулирования, общими особенностями половой и возрастной сексуальности, общими традициями контрацептивной культуры и т.д.

Стадиальная и формальная структуры сексуальной культуры общества

Биологические основания сексуальной деятельности («половой инстинкт», «либидо») обуславливают ее необходимое присутствие в жизни каждого здорового половозрелого человека. Социальные условия накладывают на эти естественные влечения соответствующие ограничения, формируя принятые в данном обществе и группе нормативные стандарты сексуального поведения, т.е. конкретную культуру секса. Но никакие социально прививаемые установки не могут вытеснить из физиологии и психики человека естественно заложенного в нем сексуального интереса («основной инстинкт»). Отсюда закономерная, и поэтому всеобщая, начальная стадия сексуальной жизнедеятельности, которую можно было бы назвать стадией сексуальных ожиданий. Для нее характерна внутренняя, во многом подсознательная ориентированность половозрелого человека на возможный сексуальный контакт, т.е. все то, что на языке повседневности обычно обозначается словами «кокетство», «томность», «строить глазки» и т.д. Для стадии сексуальных ожиданий характерна, во-первых, очевидная деперсонифицированность сексуального интереса, его представленность «вообще», а во-вторых, постоянное поддержание себя в соответствующей этому интересу «готовности» – необходимый внешний вид, гардероб, гигиена, все то, что одна из героинь А.Толстого очень точно назвала «чистить перышки». Сплав сознательного и подсознательного сексуального интереса и степени его проявления у разных людей на этой начальной стадии сексуальности будут, конечно, сугубо различными – от прямой «сексуальной озабоченности» до стыдливой стеснительности от самой мысли, что возможны подобные «ожидания». Но сама эта стадия как объективный элемент сексуальной культуры общества не вызывает сомнений, ибо вне ее невозможен переход к более выраженным и конкретно-персонифицированным сексуальным отношениям.

И от того, каким будет этот переход, зависят различия между двумя основными формами реализации сексуальных отношений – быстрым и эротическим сексом. В случае быстрого секса его кульминация – сексуальная разрядка имеет место практически сразу же – в считанные минуты, часы, дни, – после того, как у субъекта сексуальной связи сформировался конкретно-персонифицированный сексуальный интерес («положить глаз»). На обращенный к читательницам вопрос немецкого журнала «Аллегра» (1999 г.): сколько времени после знакомства считает нужным выждать современная немка, прежде чем отправиться с мужчиной в постель, 22 % ответивших

сообщили, что не более одного дня, 32% – два дня, и еще 19 % – целую неделю. Быстрый секс по необходимости представлен в рамках проституции, сексуального насилия, групповых оргий, как видим, он весьма массов и за этими рамками. Его содержательная специфика – потребность в преимущественно физиологической сексуальной разрядке при минимуме социально сложившихся аранжировок этой разрядки.

Как раз широким и многообразным включением сложившихся социальных процедур сексуального общения и отличается другая основная форма сексуальной культуры – эротический секс. Возникновение конкретно-персонифицированного сексуального интереса как итога предшествовавшей стадии ожиданий здесь приводит не к его быстрой кульминации – коитусу и разрядке, а к постепенному разворачиванию этого интереса во времени с использованием разнообразных, рожденных предшествующим сексуальным опытом человечества, процедур сексуального общения и возбуждения. Соответственно, в рамках этой формы сексуальности человека, стадия сексуальных ожиданий перерастает в отсутствующую в условиях быстрого секса и специфичную только для эротического секса стадию ухаживания, т.е. всего того, что в разговорной речи передается словами «ухаживать», «флиртовать», «оказывать внимание», «волочиться», «бегать за ...» и т.д.

Стадия ухаживания сугубо конкретно-исторична в своих реальных содержательных проявлениях и очень многопланова в степени своей выраженности – от «робких взглядов», «вздохов под луною», «бессонных ночей» и т.д. до гораздо более выраженных форм ухаживания – свидания, объяснения, объятия, поцелуев и т.д. Вместе с формированием этой стадии сексуальной культуры на довольно высоких уровнях общественного развития (предположительно – в ходе рождения цивилизации) складывается и частная, но наиболее гуманизованная вариация эротического секса – половая любовь. Под последней обычно понимается четко персонифицированный («ты – один (одна) на свете») и устойчивый («навсегда») сексуальный интерес, перерастающий в своеобразный социальный симбиоз сексуально связанной пары, для которого характерна повышенная потребность в повседневном общении, духовное сближение, взаимная заботливость и ответственность. «Мы говорим именно о любви, когда выдвигаем на первый план душевную сторону сексуальных стремлений и отодвигаем назад или хотим на какой-то момент забыть лежащие в основе физические, или «чувственные», требования влечений» (Фрейд З. Основной инстинкт. М., 1997. С. 546).

Развитие отношений на рассматриваемой стадии в общем случае приводит к завершающей стадии сексуальной жизнедеятельности – сексуальной практике, непосредственной целью и показателем которой выступает достижение сексуальной разрядки, удовлетворенности, обычно связываемой с оргазмом, под которым понимается «высокая степень сладострастного ощущения, возникающего в момент завершения полового акта или при других формах половой разрядки» (Сексология. Энциклопедический словарь. Минск, 1993. С. 189). Сексуальная практика, естественно, имеет место и в рамках быстрого секса, но там, как правило, она представлена в усеченном виде, прямым завершением сексуальной связи – коитусом. В рамках эротического секса и тем более – половой любви рассматриваемая стадия представлена как бы в двух уровнях сексуальной деятельности. На первом из них – сексуальной прелюдии – в ходе интенсивного стимулирования эрогенных зон («сексуальные ласки», петтинг) обеспечивается необходимая степень сексуального психофизиологического возбуждения субъекта связи и его возможного партнера, позволяющая перейти к завершающему уровню сексуальной практики – «проникающему сексу», т.е. собственно половому акту (коитусу).

Временные масштабы сексуальной прелюдии, конечно различны, причем эти различия будут иметь не только личностный, но и культурно-исторический характер: в разных конкретных культурах секса на указанную «прелюдию» будет отводиться от считанных минут (в уже упоминавшемся опросе немецких женщин журналом «Аллегра» желательная продолжительность данной фазы «любви» для 44% опрошенных составила от 10 до 20 минут) до многих часов, что особенно характерно для восточной эротики. В историческом прошлом, в частности, в России, сексуальная прелюдия могла обретать и относительно автономный, не приводящий к непосредственному коитусу характер. В основном это было связано с высокой брачной ценностью женской девственности, в связи с чем традиционные добрачные молодежные встречи («посиделки», «гаски» и т.п.) допускали все виды сексуальных ласк, кроме проникающего секса.

Последний может быть реализован в двух исторически сложившихся формах полового акта – вагинальной и анальной («педикация»), причем для первой из них характерна исключительная вариативность конкретных технических «позиций» коитуса (соответствующие справочники насчитывают их несколько сотен). Кульминация полового акта – оргазм. У мужчин он физиологичен и как таковой унаследован от наших животных предков, у которых оргазм выступает средством обеспечения участия самцов в репродуктивной копуляции. Поскольку в процедурах оплодотворения жен-

ских яйцеклеток оргазм роли не играет, постольку в физиологии самок животных он и не представлен, и, следовательно, не мог быть унаследован женской половиной человечества. И если, тем не менее, для женской сексуальности оргастические реакции достаточно типичны (хотя и не всеобщие), то связано это с определяющей ролью гедонистических начал в сексе человека, обуславливающих становление оргазма и у женщин, но уже как «явления не физиологического, а психологического» (Кон И.С. Введение в сексологию. М., 1999. С. 130), т.е. так или иначе социально детерминированного, в том числе и характером сложившейся сексуальной культуры. В факте возможности оргазма у женщин – еще одно существенное отличие сексуальности человека от копулятивных процессов в мире животных.

Содержательная структура сексуальной культуры общества Как было установлено З.Фрейдом, содержательная структура сексуальной жизнедеятельности человека и общества обусловлена многообразием объектов сексуального

интереса субъекта сексуальной связи, или, как чаще говорят, многообразием сексуальных «ориентаций» этого субъекта. В меру современного сексуального опыта их насчитывают несколько десятков. В их числе, прежде всего, необходимо выделить группу видов т.н. «партнерского секса», т.е. сексуальных ориентаций, предполагающих в качестве объекта связи какого-то человека («партнера»), С социальной точки зрения важнейшей среди них является, безусловно, гетеросексуальная ориентация, предполагающая в качестве партнера субъекта связи лицо противоположного пола. Ее приоритетность во всех сексуальных культурах вытекает как из очевидной монополии на репродуктивный по своим целям секс, что делает гетеросексуальные отношения общественно приемлемыми даже в самых пуританских социальных условиях, так и из присущих ей широких гедонистических возможностей, реализуемых с помощью многообразия позовых «позиций», обеспечивающих в ходе полового акта желаемую высоту и разнообразие ощущений. Приоритетность этой ориентации вытекает также и из ее роли сексуальной базы брачно-семейных отношений, хотя в самые последние годы в меру уже известных нам перемен в понимании сущности брака формируются и однополые брачные пары. В их основе лежит уже другая сексуальная ориентация – на партнера того же, что и у субъекта связи, пола, т.е. гомосексуальная связь. Сам термин «гомосексуализм» сравнительно недавнего (1869 г.) происхождения, в сегодняшней гомосексуальной среде приняты самоназвания – «гей», «голубые». Женский вариант гомосексуализма

получил название «лесбиянства» (по названию греческого острова Лесбос, мифологической родины этой вариации гомосексуализма). Различаются гомосексуалисты «истинные» и «ситуативные». К первым относятся все те, кто иной половой ориентации не приемлет. По последним данным, таковых среди мужчин – 5-6%, среди женщин – 2-3%, причем причины их такой ориентированности до сих пор остаются неясными. К ситуативным относятся все те, кто вступал в эпизодические гомосексуальные связи в условиях невозможности поддержания гетеросексуальных.

Гомосексуальная ориентация имеет очень богатое и противоречивое, культурное прошлое. Примерно в половине известных сегодня обществ гомосексуальные связи имели все права гражданства, а в некоторых из них, например, в Древней Греции, воспринимались даже как нечто более возвышенное, одухотворенное и чистое, нежели «скотский» гетеросексуализм (см., например, диалог «Пир» Платона). Отсюда – даже известная нормативность такого рода связей для социальных отношений типа учитель-ученик, офицер-солдат и т.д. Но, с другой стороны, в другой половине известных нам обществ гомосексуальные отношения столь же решительно и категорично осуждаются и преследуются как нечто «противоестественное», греховное и во многих законодательствах – преступное. Ветхий завет иудеев три тысячи лет назад провозгласил: «Не ложись с мужчиною, как с женщиною – это мерзость. А если кто ляжет с мужчиною – оба они да будут преданы смерти». В современном мире примерно в 80 странах гомосексуализм запрещен, в ряде случаев (Иран, Афганистан, Судан) сохраняется даже смертная казнь за подобные отношения. Но во всех развитых странах к середине XX в. (в России – в 1997 г.) уголовная ответственность за гомосексуальные связи была прекращена, исключен гомосексуализм и из номенклатуры психических заболеваний. Правовая и социальная реабилитация гомосексуальных меньшинств в современном обществе, в своей основе вполне справедливая, имела и несколько неожиданное продолжение: известную моду на гомосексуализм, особенно в кругу творческой интеллигенции, иногда приобретающую весьма агрессивные формы.

Гораздо менее изучен еще один вид партнерского секса – бисексуализм, предполагающий безразличие субъекта связи к полу потенциального объекта этой связи. Согласно известной концепции З.Фрейда исходно все люди бисексуальны, носителями конкретной ориентации они становятся лишь в ходе социализации. Но продолжавшееся практически весь XX век обсуждение этого вопроса каких-либо ощутимых результатов не дало. Появились, правда, первые количественные оценки бисексуализма: по подсчетам специалистов чикагского

университета в США к этой ориентации в наши дни принадлежат около 7% мужчин и 3% женщин.

И, наконец, наиболее табуированный вид партнерского секса – инцест, сексуальные отношения с близкими родственниками («кровосмешение»). По мнению многих исследователей антропосоциогенеза, именно запрет инцеста стал первой социальной нормой формирующейся сексуальности человека. С тех пор, за исключением немногих культур, например, древнеегипетской, инцест по общему правилу находится под строжайшим моральным, религиозным и правовым запретом. «Если человек возлежал на лоне своей матери, их обоих должно сжечь» – говорится в древневавилонских Законах Хаммурапи (перв. пол. 2 тысячелетия до н.э.). Между тем продолжает оставаться открытым центральный вопрос: с чем связано это столь распространенное запрещение. Привычная ссылка на биологические последствия реально не работает: животные не знают подобных ограничений и никакими доказательствами деградиционных последствий инцеста наука не располагает. Более вероятное объяснение социального порядка: ограничения сексуальных отношений в пределах формирующегося рода на заре человечества, по-видимому, способствовали как самой интеграции рода, так и формированию устойчивых межродовых, племенных отношений. Закрепленный последующими социальными нормативами запрет инцеста стал еще одним ярким специфическим отличием сексуальности человека от копулятивной практики животных. Но при этом надо иметь в виду, что для судебной практики любой страны, в том числе и России, соответствующие правонарушения совсем не редкость.

За пределами партнерского секса остается, во-первых, группа видов моносекса (аутоэротизма) – мастурбация, нарциссизм, поллюции и др., объединяемые общей направленностью сексуального интереса на самого субъекта этого интереса. И во-вторых, большая группа т.н. парафилий («отклонений») – сексуальных ориентаций, объектом которых человек уже не является: фетишизм, с влечением субъекта к каким-то предметам или какой-то определенной части тела, некрофилия (труположество), зоофилия с сексуальным интересом к животным и многие другие. Особое место среди них принадлежит именно зоофилии. Сегодня это достаточно редкая ориентация, иногда встречающаяся в скотоводческих регионах, а также в сексуально пресыщенных кругах богемы. Но в историческом прошлом человечества, особенно на стадии неолита и ранних цивилизаций, зоофилия была представлена очень широко. Об этом мы можем судить как по обилию археологических находок соответствующего содержания, так и по распространенности зоофильной тематики в ранних мифологиях, в частности, греческой. В этой связи в научной литературе неоднократно

высказывалось мнение, что такой повышенный сексуальный интерес к животным в упомянутые эпохи был обусловлен становлением сельского хозяйства, опосредованно фиксируя и закрепляя таким символическим образом «победу» человека в его отношениях с природой. Показательно, что, по дошедшим до нас древнеегипетским законам (сер. 2 тысячелетия до н.э.), «мужской грех» с давно одомашненными животными – коровой, овцой, собакой и т.д. карался смертью, а вот аналогичные отношения с еще полудикой лошадью греховными не были и не воспрещались.

Проблема «половых извращений» С парафилиями тесно связана проблема «половых извращений» («противоестественный секс», «содомия»). До начала XX в. в

официальном общественном мнении «естественным», «приличным» и «законным» был лишь секс, ориентированный на продолжение рода. Соответственно, отмечал З.Фрейд, сексуальная деятельность получает характеристику извращенной и противоестественной «в том случае, если она отказывается от цели продолжения рода и стремится к получению удовольствия как к независимой от него цели» (Фрейд З. Основной инстинкт. М., 1997. С. 534). С выдвиганием в сексуальной культуре всех развитых стран в XX в. на первый план гедонистической составляющей секса, а также благодаря успехам сексуального просвещения, вскрывшего и показавшего все многообразие сексуального опыта в разных по времени и географии обществах, представление о неких раз навсегда установленных естественных и противоестественных, извращенных разновидностях секса сменяется более зрелым мнением о том, что «каждая цивилизация определяет свои нормы сексуальной практики, которые постоянно меняются в зависимости от изменения общества. Понятие: норма, извращение, парафилия – все это зависит от морали эпохи» (Билич Г.Л. Секс и любовь. СПб, 1997. С. 70). В современном обществе все чаще любые сексуальные отношения, не приносящие вреда другим людям, начинают рассматривать как «естественные» и имеющие право на существование.

Две культурные позиции в отношении общества к сексуальности Конкретно-исторично и само отношение общества к сексуальности как одной из основных форм жизнедеятельности человека. В большинстве культур Востока,

в греческой и римской античности сексуальная жизнедеятельность воспринималась, по общему правилу, положительно, как всеобщая оплодотворяющая сила, дарующая человеку разнообразные радости жизни – здоровье, счастье, наслаждения, продолжение себя в детях и все это, при том, освя-

ценное благодатью свыше, целым сонмом богов и богинь любви, материнства, чувственности – Афродиты, Венеры, Астарты, Митры, Кибелы, Иштар, Амура, Эрота, Приапа и многих, многих других. Но в целом ряде других культур – древнебуддистской, позднекитайской (XVII-XIX вв), но особенно – в христианской – сложилось совсем другое, сугубо негативное восприятие всего сексуального. В христианстве оно вытекало из ветхозаветной концепции первородного греха, навсегда связавшей сексуальность с нечистым порождением дьявола. Отсюда столь характерный для ранних христиан культ целомудренной девственности, по возможности сохраняемой даже в браке («духовные браки»), и связанный с ним миф о «непорочном зачатии». Отсюда – с превращением христианства в государственную религию рождение идеи и процедуры «таинства церковного брака», преобразующей в рамках венчания смертный грех «блуда» в грех прощительный, но только в случае репродуктивной направленности «соития» («чадородия, а не слабости ради!»). В 1976 г. Ватикан в специальной декларации о Догматах Веры еще раз подтвердил, что безгрешна лишь целомудренность, секс – греховен, но поскольку без продолжения рода не обойтись, то «всякий генитальный акт допустим только в рамках брака».

**«Двойной стандарт»
в сексуальном поведении
полов**

С рождением цивилизации рождается и главная особенность сексуальных отношений в условиях цивилизации – т.н. «двойной стандарт» в сексуальном поведении полов. Он отразил складывающуюся по итогам неолитической революции систему всестороннего полового неравноправия. При формальной тождественности для обоих полов моральных, религиозных и правовых норм сексуального поведения (например, запрещенность добрачных и внебрачных сексуальных отношений), фактически связанные с ними ограничения сексуальной жизни распространялись в основном лишь на женщин. «Если ... не найдется девства у отроковицы, то отроковицу пусть ... побьют камнями до смерти», – гласит Библия. В условиях строго осуждаемых внебрачных отношений, тем не менее, в интересах мужчин сложился целый социальный институт проституции.

Социальные формы организации сексуальной жизнедеятельности

За многотысячелетнюю историю цивилизации функциональная двойственность сексуальной жизнедеятельности породила соответствующие ей формы

социальной организации сексуальной жизни. Сексуальные отношения, ориентированные на продолжение рода, нашли себя в многочисленных вариациях института брака. Сексуальные отношения гедонистической направленности породили, с одной стороны, многочисленные конкретные варианты добрачной сексуальной жизни молодежи («пробные ночи», «посиделки», «гаски», обрядовые «игрища» и т.д.). В меру своей полуполегальности они не отделились в сколько-нибудь общепринятые и широко распространенные социальные формы, с другой стороны, гедонистическая составляющая секса легла в основу гораздо более четко выраженных и, в основе своей, интернациональных феноменов внебрачного секса – адюльтера («неверность») и проституции.

**Проституция
как социальный институт цивилизации**

Под проституцией понимается оказание сексуальных услуг за вознаграждение. Как таковая, она возникает вместе с цивилизацией на пересечении новых

социальных условий: формирующейся у значительной части мужчин в силу их нередкого длительного отрыва от семьи и дома – армия, государственная служба, торговля, мореходство и т.д. – устойчивой потребности во внесемейном сексе и утверждающимися рыночными началами экономики с их определяющим принципом: любая потребность реализуема на товарной основе. Можно вспомнить в этой связи, что первые публичные дома в древних Афинах были открыты властями именно и с учетом массового притока мужской молодежи в город, что несло прямую угрозу семейным устоям горожан.

Объективно-закономерная природа проституции («древнейшая профессия») обуславливает ее присутствие в любом современном обществе. По оценке международной организации труда, доходы от проституции составляют в последние годы 10-14% ВВП таких, например, стран, как Индонезия, Таиланд, Филиппины. Клиенты примерно 400 тысяч «дам легкого поведения» в Германии, а это ежедневно порядка 1,2 млн. мужчин или 18% мужчин старше 15 лет, ежегодно оставляют в данном «секторе экономики» 12 млрд. марок. Естественно, все это заставляет государственную власть так или иначе определиться в своем отношении к проституции. Исторически известны три основные модели такого отношения: запрещение (или, точнее, попытка запрещения: реально запретить проституцию нигде никогда и никому не удавалось); либерализация проституции, т.е. объявление ее сугубо частным делом, не предполагающим какого-либо административного вмешательства; регламентация, т.е. легализация и государственно-правовое регулирова-

ние проституции и всего с нею связанного. При всей противоположности обе первые модели имеют общее содержание: криминализацию, дегигиенизацию и полное гражданское бесправие – как самих «тружениц любви», так и их клиентов. Административная же регламентация проституции позволяет поставить ее под известный государственный, в том числе медицинский контроль, создать определенную правовую базу, не только регулирующую, но и защищающую гражданские права как самих проституток, так и их клиентов (ни тех, ни других никто этих прав не лишал). На этой основе существенно понижается криминальная выраженность проституции, а само государство получает причитающиеся ему (да еще за такие доходы!) налоги. Регламентация одной из первых была введена и испытана царской Россией еще в середине прошлого века. В настоящее время она имеет место в ряде европейских стран и штатов США. В России проституция как таковая не запрещена, но существует уголовная ответственность за вовлечение в проституцию и содержание притонов.

Многочисленные исследования проституции в наше время позволили увидеть и реальное разнообразие причин, приводящих к ней. Сегодня не вызывает сомнения, что материальная нужда, традиционно воспринимаемая как «мать проституции», в действительности далеко не единственный и даже не главный поставщик «на панель» соответствующих кадров. Существенную мотивационную роль играет возможность получения значительных доходов, в частности, в размерах, явно превышающих возможные профессионально-трудовые заработки, в том числе и «попутно» с основной жизнедеятельностью, трудовой и бытовой. В последние десятилетия резко возрастает и значение наркотической зависимости. Наконец, безусловный вклад вносят и факторы психофизиологического порядка (в качестве иллюстрации можно вспомнить знаменитый фильм Л.Бюнюэля «Дневная красавица»), еще недавно начисто игнорировавшиеся. Соответственно этому многообразию причин и реальное рекрутирование кадров проституции происходит из самых различных по социальной представленности слоев населения.

Очень своеобразны и происходящие на рубеже XX-XXI веков перемены в структурной и количественной динамике проституции. Вместе с либерализацией по итогам сексуальной революции сексуальных отношений, в частности, с ростом молодежного добрачного секса, постепенно снижается во всех развитых странах мужской спрос на женские сексуальные услуги. Свой пик он прошел на рубеже XIX-XX веков. Вместе с тем резко увеличивается общественный спрос на мужскую проституцию, как гомосексуальную, в

связи с легализацией сексуальных меньшинств, так и гетеросексуальную, в связи с ростом в современном обществе числа одиноких и хорошо обеспеченных женщин.

Сексуальная революция второй половины XX века

Развернувшаяся во второй половине XX века в странах развитого индустриализма т.н. сексуальная революция

была частным проявлением гораздо более общего социального процесса, сопутствовавшего перерастанию индустриально развитого общества в общество постиндустриальное: утверждение всестороннего социального равноправия полов («вторая гендерная революция»). В данном конкретном его проявлении – «сексуальной революции» – речь шла о об устранении из практики сексуального поведения полов отмеченного выше «двойного стандарта». Но на это эгалитарное общемировое содержание сексуальной революции в странах европейско-сексуальной культуры наложилось еще одно смысловое значение: снятие сложившейся табуированности секса и его позитивизация в широком общественном сознании.

Прямым следствием этой революции явились сексуальная эмансипированность современной женщины; либерализация и индивидуализация сексуального поведения личности, связанная с уходом в прошлое многих запретов и ограничений во всех социальных формах ее сексуального поведения – добрачного, брачного и внебрачного; легализация сексуальных меньшинств, позволившая им сегодня даже поставить вопрос об однополых браках; общая эротизация общественной культуры – искусства, моды, рекламы, торговли, шоу-бизнеса, СМИ и т.д.; растущая сексуализация брачно-семейных отношений; становление целостных систем «безопасного секса» и «планирования и сексуального просвещения семьи» на его основе. Но при этом надо видеть и несомненные издержки этих в целом высокогуманистических процессов: резкую и во многом вредную для здоровья ювенилизацию секса (среднестатистический российский подросток сегодня начинает сексуальную жизнь в 16,5 лет), рост удельного веса наименее гуманизированной формы сексуальности – «быстрого секса», нередкую подмену сексуального просвещения искусственным навязыванием сексуальной активности и т.д.

Секс как объект социологического исследования

В исследовании сексуальной жизнедеятельности изначально особую роль играли биология и медицина, позднее – психология и лишь в XX веке секс становится объектом исследования

социального знания. По-видимому, первым исследователем, подчеркнувшим необходимость культурно-исторического анализа сексуальности человека, был немецкий врач рубежа XIX-XX веков Иван Блох. В 20-30 годах значительное внимание социальным аспектам секса уделяли известные этнографы Б.Малиновский и М.Мид. Но рождение собственно социологии сексуальной жизнедеятельности или, иначе, социальной сексологии происходит лишь середине века и в основном связано с именем американского исследователя Альфреда Кинзи. С конца 30-х годов им и его сотрудниками было собрано и проанализировано 19 тыс. интервью, каждое из которых содержало от 350 до 520 учитываемых позиций. На этой эмпирической базе А.Кинзи публикует сохраняющие свое значение до сегодняшнего дня монографии «Сексуальное поведение мужчин» (1948 г.) и «Сексуальное поведение женщин» (1953 г.), оказавших шоковое воздействие на современников и породивших настоящую травлю ученого. Сегодня ясно, что именно с этих трудов и начинается история научной социальной сексологии. В центре ее внимания оказались, прежде всего, проблемы социобиологической природы сексуальности человека и, соответственно, культурно-исторического многообразия сексуального поведения и его эволюции вместе с эволюцией общества.

В отечественной истории науки основоположниками социальной сексологии, сначала полуподпольно, а с 80-х годов – официально явились И.С.Кон и его ученик С.И.Голод. В 1988 г. выходит монография И.С.Кона «Введение в сексологию», переизданная в 1989 г. и в переработанном виде – в 1999 г. В его же работах «Вкус запретного плода. Сексология для всех» (М., 1997), «Сексуальная культура в России: клубничка на березке» (М., 1997), «Лунный свет на заре. Лики и маски однополый любви» (М., 1998), мы находим своеобразную энциклопедию социальных аспектов секса. С.И.Голод публикует в 1996 г. монографию «XX век и тенденции сексуальных отношений в России», в 1997 г. под его редакцией выходит сборник трудов «Социология сексуальности».

5. Образ жизни как интегральное выражение жизнедеятельности личности, группы и общества

Рассмотренные выше основные формы жизнедеятельности личности, группы и общества – трудовая, бытовая, досуговая и сексуальная – в реальной общественной жизни представлены теснейшим переплетением и взаимодействием друг с другом всех составляющих их видов и форм, в своей совокупности и образующих данную общественную жизнь. Причем, важно

подчеркнуть именно «данную», конкретную, а не «вообще», ибо всякая реальная жизнедеятельность всегда протекает в рамках и на базе каких-то типичных именно для данного общества объективных и субъективных условий его существования. Иными словами, нет «общества вообще», это лишь логическая абстракция, в реальной жизни имеет место конкретное, особенное, «данное» общество, всегда характеризующееся какими-то своими отличительными чертами и особенностями поведения людей, четко выделяющимися его среди всех других обществ.

Содержание и объем понятия «образ жизни» С осознанием общественной мыслью этого принципиального факта уже на заре цивилизации появляется понятие «образа жизни» данной

личности, группы и общества. «Отложить прежний образ жизни ветхого человека» призывал новоявленных христиан еще апостол Павел. В современной науке под образом жизни понимается «система устойчивых типичных форм социального бытия» (Социология в России. М., 1998. С. 483), т.е. устойчивая совокупность всего того своеобразно-отличительного, типичного, что присуще жизнедеятельности именно данной конкретной личности, группы и общества. «Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами», таков «их определенный образ жизни» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 19). При этом в отечественной литературе утвердилось представление об интегрально-всеобщей природе понятия образа жизни, так как оно охватывает своеобразно-типическое во всей совокупности форм жизнедеятельности. И именно это обобщение в понятии образа жизни всего массива социально-типичного для данной общественной жизни и позволяет этому понятию выступать целостной, всесторонней картиной («образом») соответствующей общественной жизни. Но надо иметь в виду, что в зарубежной, а в последние годы и в отечественной литературе встречается и более узкая трактовка логического объема понятия образа жизни – ограничивающая его лишь областью внутрудовой, «обыденной» жизни. Это, естественно, резко понижает познавательную ценность данного понятия.

Нередко также в содержание рассматриваемого понятия включаются и все детерминирующие своеобразие данного образа жизни внешние условия: «образ жизни: способ, формы и условия индивидуальной и коллективной жизнедеятельности человека» (Социологический энциклопедический словарь. М., 1998. С. 207). В обоснование этой позиции (И.В.Бестужев-Лада, М.Н.Руткевич и др.) обычно обращается внимание на неразрывное единство всякой жизнедеятельности с условиями ее деятельности, а также на невоз-

возможность причинного объяснения специфики данной жизнедеятельности вне учета этих условий. Но первое, совершенно верное в плане онтологии, т.е. реального существования общественного бытия, совершенно неверно в плане логического анализа этого бытия, ибо ведет к отождествлению причин (условий жизни) и их следствий (порождаемых данными условиями жизни данных форм жизнедеятельности). Второй же аргумент сохраняет свою справедливость и за пределами данной теоретической позиции.

**Система детерминации
образа жизни**

Действительно, причинное объяснение своеобразия конкретных форм жизнедеятельности и их интегрального

выражения – образа жизни, возможно лишь с учетом обуславливающих эту жизнедеятельность многообразных условий общественной жизни. Определяющими в этой связи для всякого образа жизни выступают, во-первых, естественно-географические предпосылки этой жизни: рельеф местности, естественные пути сообщения, климат, природные ресурсы и т.д. Во-вторых, вся совокупность объективных условий данной общественной жизни: характер технологии, специфика экономических отношений, сложившаяся на этой базе многообразная классовая и социальная структура, особенности политической организации и т.д. В-третьих, существенную детерминирующую роль играет т.н. «уровень жизни», т.е. уровень обеспеченности личности и населения в целом материальными, социальными и культурными благами и услугами. И, наконец, целая сфера культурных детерминаций – национальных, религиозных, образовательных, бытовых, досуговых, ментальных и т.д. При этом надо иметь в виду, что в зависимости от характера субъекта образа жизни – личности, группы или общества в целом набор детерминирующих условий будет существенно меняться и многое из того, что выступает условиями жизни для личности (например, возраст, пол, семейное положение) перестает быть таковыми для группы и тем более общества.

Но при всей значимости условий жизни одними ими конкретную специфику образа жизни, особенно личности, не объяснишь. При одном и том же наборе объективных факторов возможны существенные расхождения в реальных образах жизни личности и групп. Это связано с тем, что любая жизнедеятельность совершается осознающим ее человеком, т.е. субъективизировано, а соответственно, и с учетом его индивидуальных установок, мотивов, ценностных ориентаций и т.д.

С диалектикой объективного и субъективного в детерминации образа жизни связана многолетняя дискуссия о соотношении в образе жизни должного (нормативного) и сущего (реального). Должное отражает сложившееся в общественном сознании на базе устоявшейся социальной практики идеализированное и, соответственно, норматизированное представление об образе жизни лиц данного социального статуса. «Настоящий джентльмен», «типичный москвич», «истинный сын гор», «настоящий полковник», «обычный ребенок» и т.д. – все это закрепленные традицией конкретные стандарты жизненного поведения и облика, формально-обязательные для лиц «соответствующего круга» и отвечающие вполне определенным социально-статусным ожиданиям окружающих. Однако закрепившиеся в общественной фразеологии выражения типа «джентльмены так не поступают», «а еще интеллигент!» и т.п. свидетельствуют о нередких нарушениях этих ожиданий в меру больших или меньших отступлений от ролевых стандартов в поведении как индивидов, так и целых групп. Целый пласт лексики – «оригинал», «белая ворона», «изгой», «отщепенец», «отступник» и т.д. – фиксирует настроенное или отрицательное отношение общественного сознания к подобному расхождению сущего и должного. Но если нормативная модель лишь идеализированно воспроизводит данный образ жизни, то ей принадлежит та заслуга, что именно она фиксирует закономерное и даже сущностное в данном образе жизни в отличие от реального образа жизни, богатого случайностями.

**Материальная основа
образа жизни**

Определяющим материальным основанием, решающим базисом любого конкретного образа жизни выступает

специфичный для субъекта данного образа жизни источник средств его существования. В зависимости от характера этого источника все население принято подразделять на две большие группы: самостоятельного (или самодостойтельного) и несамостоятельного (несамостоятельного). К самостоятельным принадлежат все те, кто, имея самостоятельный источник дохода и, следовательно, ни от кого не завися, вполне самостоятельны в своем образе жизни. К несамостоятельным принадлежат все те, кто лишен самостоятельного источника средств своего существования и поэтому существует на чьем-то иждивении – частном или благотворительном. Естественно, что образ жизни иждивенцев – детей, домохозяек, лиц, временно или постоянно не работающих и без пособия и т.д. – во всем основном будет предопределяться этой экономической несамостоятельностью.

В самостоятельном населении в зависимости от характера источника дохода выделяются две подгруппы населения – экономически активного и экономически неактивного. К экономически активным относятся все те, кто существует на доход от какого-либо занятия, т.е.: 1) все занятые какой-то приносящей доход трудовой деятельностью («занятое население»); 2) официально зафиксированные безработные как лица лишь временно утратившие занятость, ищущие работу и временно же существующие на соответственное государственное пособие; 3) военнослужащие. В советской статистике сюда же относились заключенные исправительно-трудовых учреждений. К экономически неактивному населению относят всех тех, кто имеет самостоятельный доход нетрудового характера, кроме, как уже сказано, безработных и военнослужащих. С учетом разнообразия нетрудовых доходов можно выделить три подгруппы экономически неактивного населения, существенно различных по своему статусу и образу жизни:

– все те, чей нетрудовой доход находится в прямой связи с прошлым или предстоящим трудовым доходом (пенсионеры, стипендиаты-учащиеся). При определенных допусках эту часть экономически неактивных иногда даже включают в состав активных. Их образ жизни, система жизненных ценностей, менталитет наиболее близки к ориентациям занятого населения;

– все те, чей нетрудовой доход обусловлен находящейся в их распоряжении собственностью: проценты и дивиденды с вкладов и помещенного капитала, доходы от сдачи в аренду, наследство и т.д.;

– все те, кто существует на т.н. «случайные», в том числе и противоправные доходы – нищие, бродяги, проститутки, преступники и т.п. деклассированные элементы. Их образ жизни демонстрирует наибольшие отклонения от общепринятых в данном обществе нормативов образа жизни.

В развитых странах с ходом времени доля самостоятельного населения в связи с растущей занятостью замужних женщин и повсеместным утверждением пенсионного обеспечения по возрасту и здоровью непрерывно растет, соответственно, доля несамостоятельного населения – падает. Если в России рубежа XIX-XX в.в. лишь четверть населения имела самостоятельный доход, то к рубежу XX-XXI в.в. им обладает около трех четвертей россиян. С ростом развитости общества и, соответственно, с ростом средней продолжительности жизни человека обнаруживается и столь же убедительный рост удельного веса самостоятельного отрезка времени жизни в индивидуальной биографии личности, в ее, как иногда говорят, «бюджете жизни»: в прошлом веке при 30-летней средней продолжительности ожидаемой жизни на долю самостоятельного и несамостоятельного, иждивенческого отрезков

времени жизни приходилось примерно по 50 % расчетного времени жизни. В наши дни, при 70-летней средней продолжительности ожидаемой жизни на долю самостоятельности приходится примерно четыре пятых времени жизни.

Качественная определенность образа жизни и «качество жизни» Система детерминации ответственна за все конкретное содержание данного образа жизни, за все его основные качественные и количественные

параметры. Первые, т.е. качественная определенность образа жизни, представлена содержательной спецификой характерных для данного общества видов и форм жизнедеятельности. В своих основных чертах эта специфика предопределяется, прежде всего, сложившимися в данном обществе технологическими и социально-экономическими условиями его существования. Отсюда – с одной стороны, необходимое конкретно-историческое многообразие содержательных типов образа жизни, а с другой стороны – их четкое соответствие наблюдаемым в истории общества его подразделениям – стадиям, формациям и цивилизациям. Но возможна и иная типологизация качества образа жизни, например, в зависимости от рыночного или вне рыночного характера хозяйствования в данном обществе, от преобладания в нем коммунитарных или индивидуалистических начал, от сложившейся авторитарной или демократической системы политического управления и т.д.

С понятием качественной определенности образа жизни нельзя смешивать близкое по звучанию, но отличное по существу понятие «качества жизни». Оно складывается в 60-70-х г.г. в зарубежной социологии, где используется в двух специфических смыслах: – во-первых (и реже), как характеристика всей совокупности объективных условий существования личности, группы, общества в целом. В этом плане понятие «качество жизни» нередко противопоставляется количественной характеристике условий жизни. Во-вторых (и чаще), это понятие используется для фиксации субъективной оценки личностью или группой степени своей удовлетворенности сложившимся образом жизни и условиями, его предопределяющими.

Баланс и бюджет времени как количественная определенность образа жизни Количественная определенность образа жизни, как и любой составляющей его формы жизнедеятельности,

четко фиксируется в том распределении времени, которое затрачивается личностью, группой, обществом на соответствующие формы деятельности.

Это временное распределение в современной науке описывается и изучается с помощью понятий баланса и бюджета времени.

Под балансом времени понимается распределение совокупного фонда времени (суток, недели, месяца, года и т.д.) данного субъекта образа жизни (личности, группы, общества в целом) по различным видам присущей ему жизнедеятельности. Совокупный фонд времени субъекта образа жизни исчисляется произведением календарного фонда времени (суток, недели и т.д.) на число индивидов, составляющих данный субъект образа жизни, и измеряется, соответственно, в человеко-часах, человеко-днях и т.д. В случае составления суточного баланса времени учитывается характер дня: будний – предвыходной – выходной; рабочий – нерабочий; средний день недели и т.д. Раскрывая суммарную картину содержательного использования населением страны или социальной группой своего времени, баланс времени выступает наиболее полным количественным выражением образа жизни данного общества или его отдельной группы.

Баланс времени, рассчитанный на одного человека – среднестатистического или представляющего какую-то социальную группу, – получил название бюджета времени. Как баланс, так и бюджет времени характеризуются достаточно устойчивой структурой, предопределяемой спецификой тех форм жизнедеятельности, которые имеют место в современном обществе. Как правило, в ее составе выделяется время рабочее и нерабочее, а в структуре последнего три (или больше – при более детальном анализе) временных позиции: время, связанное с работой; время бытовой жизнедеятельности (т.е. домашнего труда и удовлетворения материальных потребностей); свободное время (т.е. время досуга).

«Анализ баланса времени является важным средством изучения образа жизни населения» (Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С.66), ибо этот анализ позволяет, во-первых, выявить конкретные особенности именно данного образа жизни, во-вторых, в рамках сопоставительных исследований раскрыть выразительную дифференцированность образов жизни различных социальных групп – работающих и неработающих, мужчин и женщин, горожан и селян и т.д. (см., напр., таблицу 1).

Таблица 1

Бюджет времени работающего населения городов Пскова и Джексона (США) в 80-х годах, в % к итогу
(источник: Труд, быт и отдых трудящихся. М., 1990. С. 57).

Группы видов деятельности	Псков	Джексон
---------------------------	-------	---------

	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1. Работа и виды деятельности, связанные с ней	30,1	27,1	27,6	23,1
2. Труд в домашнем хозяйстве и удовлетворение бытовых (в т.ч. физических) потребностей	49,6	57,6	50,8	56,0
3. Свободное время	20,3	15,3	21,6	20,9

И в-третьих, в рамках историко-сравнительных исследований анализ баланса времени позволяет выявить долговременные тенденции эволюции образа жизни – отдельных групп, данного общества в целом и даже мирового сообщества. Генеральная направленность этой эволюции в ее целом связана с прогрессирующим в ходе истории сокращением удельного веса рабочего времени (и соответственно, производственного труда) с 56% недельного фонда времени занятого населения в XIX в. до 20% в наши дни, столь же существенным сокращением – примерно вдвое и больше – затрат времени на домашний труд и, соответственно, разительным ростом свободного (т.е. досугового) времени, впервые к концу XX в. оказавшегося сопоставимым по своим объемам масштабам рабочего времени.

Субъектная структура образа жизни

В качестве субъекта (носителя) образа жизни могут выступать личности, группы, данное общество в целом. Соответственно,

необходимо различать отвечающие им уровни образа жизни – личностный, групповой, социетальный – и не смешивать присущих каждому из них характерных черт и отличий.

Фундаментальным в общей структуре образа жизни выступает личностный уровень образа жизни, ибо вне его нет и других. По меткому выражению Г.Е.Зборовского, образ жизни личности «составляет содержание, если угодно, «начинку» любого другого» (Зборовский Г.Е. Общая социология. Екатеринбург, 1999. С. 492). При этом личностный уровень образа жизни представлен как бы двумя «ипостасями» (формами существования): роле-статусной и индивидуальной. Это связано с тем, что в рамках личности человека мы встречаемся, с одной стороны, с набором ролевых функций, вписывающих данного индивида в какую-то общественную жизнь и делающих его личность элементом данной конкретной социальной структуры, а с другой стороны, с персонифицированной индивидуальностью, обладающей собственным внутренним субъективным миром и посему «лица необщим

выражением». Соответственно, в первом случае мы имеем дело с ролестатусной формой образа жизни личности, фиксирующей конкретное своеобразие включенности индивида именно в данную ролевую совокупность форм жизнедеятельности, отвечающей определенному социальному статусу – офицера, домохозяйки, бомжа и т.д. Другими словами, в этой «ипостаси» образа жизни личности фиксируется социально-типичное и поэтому устойчивое в поведении людей, все то, что отвечает нормативным стандартам поведения лиц данного социального статуса.

Во втором случае, в рамках конкретной индивидуальности, мы имеем дело с личностно-персонифицированной, индивидуальной формой существования образа жизни личности (или, в другой терминологии, – «индивидуальным стилем жизни личности»). Она характеризуется индивидуализацией социально-статусных позиций, воплощением общего, социально-личного и повторяющегося в единично-персонифицированном и уникальном. И если ролестатусная форма образа жизни раскрывает перед нами закономерно-сущностные, нормативно-стандартные стороны бытия личности, то индивидуальная форма образа жизни личности раскрывает перед нами индивидуально-типичное и устойчивое в поведении именно данной конкретной личности, ее личностную определенность и специфичность. Но из этого следует, что индивидуальную форму образа жизни личности нельзя отождествлять, что нередко имеет место, с непосредственной жизнью индивида, с «фотографией» его жизни, ибо последняя, включая в себя всю массу случайного в поведении личности, много шире и богаче содержанием, нежели индивидуальная форма образа жизни, обобщенно фиксирующая лишь типичное и устойчивое в этом поведении, его личностную «определенность».

В своих обеих формах образ жизни личности характеризуется специфической особенностью – закономерной и последовательной сменой доминирующих видов и форм жизнедеятельности с ходом времени, т.е. обладает определенной диахронической («возрастной») структурой. В самом общем виде она сводится к четырем (в зависимости от целей исследования их может быть и гораздо большее число) последовательно-временным стадиям развертывания образа жизни личности («жизненный путь личности») – детство, молодость, зрелость, старость. Каждая из этих временных стадий представлена единством соответствующего возраста личности и специфичного для него набора видов и форм жизнедеятельности. При этом на первых трех стадиях происходит последовательное накопление и обогащение поля

личностной жизнедеятельности, на последней, наоборот, доминируют процессы его естественного сужения и угасания.

Что касается группового уровня образа жизни, то «образ жизни социальной группы (класса) – это не только сумма наиболее типичных форм жизнедеятельности составляющих ее индивидов, но вместе с тем и формы жизнедеятельности группы как целостности» (Бутенко А.П. Социалистический образ жизни: проблемы и суждения. М., 1978. С. 52): так, например, брачная или семейная жизнь, партийная деятельность и т.д. невозможны вне границ соответствующих групп, ибо существуют лишь как формы групповой жизнедеятельности. При этом «у каждого общественного слоя свои «манеры жизни», свои привычки, свои склонности» (Ленин В.И. ПСС. Т. 25. С. 342), т.е. свои отличительные черты образа жизни, что в современной социологии получило специальное терминологическое закрепление – групповая «субкультура». В тех случаях, когда образ жизни группы вступает в резкое противоречие с типичными для данного общества формами жизнедеятельности, используется более резкий термин – «контркультура» (например, при характеристике образа жизни некоторых радикальных молодежных группировок – хиппи, панков и т.д.). Следовательно, образ жизни любого общества всегда представлен разнообразными групповыми спецификациями, что не отрицает существования и относительно самостоятельного социального уровня образа жизни: он определяется теми формами общественной жизнедеятельности, которые возникают на базе взаимодействия всех этих групп, а также государственного регулирования общественной жизни и межгосударственных отношений.

Диалектика универсализации и индивидуализации образа жизни в современном обществе

Общими закономерностями современной эволюции образа жизни личности, группы и общества в целом выступают

повсеместно заявляющие о себе в ходе постепенного преобразования индустриального общества в постиндустриальное процессы универсализации и индивидуализации образа жизни. В рамках первых из них происходит, во-первых, широчайшая интернационализация образа жизни населения развитых стран, нивелирующая еще недавно многочисленные страновые, региональные и этнические различия в образе жизни и утверждающая более или менее единый «европейский стиль» образа жизни как его всеобщий современный эталон. Во-вторых, универсализация образа жизни заявляет о себе и существенным сближением и интегрированием групповых различий в образе жизни, постепенным уходом в прошлое некогда принципиальных разли-

чий в образе жизни горожан и селян, рабочих и служащих, мужчин и женщин и т.д. Но, с другой стороны, наблюдается и не менее реальный процесс растущей индивидуализации образа жизни личности, самобытности ее поведения в обществе. И в этом отражается непрерывный рост общественной значимости личности, ее самодостаточности, чувства собственного достоинства, богатства ее внутреннего мира. Умножение индивидуального многообразия самовыражения личности в условиях растущей унифицированности образа жизни всех его уровней – в таких словах можно подытожить объективную диалектику этих тенденций в эволюции современного образа жизни.

**Концепция habitus'a
П.Бурдьё**

В зарубежной литературе понятие «образ жизни» начинает активно использоваться с середины XX века, прежде всего, в плане идеологической конфронтации с мировой системой социализма (понятия «американского» и «западного» образов жизни, «новое качество образа жизни», «образ жизни общества потребления» и т.д.). Однако скольнибудь серьезный теоретический анализ рассматриваемого понятия в западной социологической литературе большая редкость, в справочной же и учебной литературе понятия «образ жизни», как правило, просто нет. В этой связи несомненный интерес вызывает предложенная крупнейшим современным французским социологом П.Бурдьё теоретическая концепция «habitus'a» (см.: Бурдьё П. Структуры, habitus, практики. В кн.: Современная социологическая теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 16-39). Термином «habitus» (от лат. *habitude* – «привычка») П.Бурдьё обозначил те устойчивые когнитивные и мотивационные структуры мышления и поведения человека, которые, складываясь под влиянием конкретных условий его существования, соответственно определяют и присущий именно данному индивиду стиль его жизни, поведения и ментальности. Таким образом, функциональная роль habitus'a – в установлении соответствия между социально-статусным положением личности и ее образом жизни. Это соответствие динамично: формируясь изначально на базе «раннего опыта», т.е. социальных условий детства (что делает особо значимым для человека его социальное происхождение), оно необходимо меняется вместе с изменениями внешних условий жизни индивида. В то же время эти изменения в habitus'e достаточно ограничены, ибо сложившийся habitus консервативен по своей природе и в основном стремится к самоподдержанию.

Соответственно этому и практическая деятельность человека при всей его субъективной “свободе воли” реально ограничена конкретным характером сложившегося *habitus*'а. То есть, руководствуясь в своей деятельности личными интересами и ориентациями, индивид не просто воспроизводит старые образцы социального опыта, но и создает нечто новое, отражающее именно его самобытность. Но в меру сдерживающего влияния сложившегося *habitus*'а это социальное творчество хотя и будет “относительно непредсказуемым...”, но в то же время ограниченным в своем многообразии” (С.20).

Habitus'ы индивидуально неповторимы: в меру субъективной уникальности личности одни и те же условия существования дадут их известное разнообразие. Но при всей этой индивидуализации *habitus*'ы, сложившиеся в сходных внешних условиях, будут обладать и обязательным общим содержанием. Это и приводит к возникновению групповых, в том числе и классовых, *habitus*'ов. Отношения между индивидами в рамках таких групповых *habitus*'ов, по мысли Бурдьё, строятся на началах гомологии, т.е. индивидуального разнообразия в рамках общего (группового) однообразия (гомогенности), диктуемого общими условиями существования. Из сказанного следует, что само группообразование, по мнению П.Бурдьё, базируется на структурообразующей природе *habitus*'а: не образ жизни личности есть следствие ее принадлежности к определенной группе, а существование самой группы есть следствие наличия совокупности людей со сходными *habitus*'ами.

Появление концепции *habitus*'а объективно засвидетельствовало рождение теоретического интереса к рассматриваемой проблематике и в западной науке.

Таблица 5

**Затраты времени на бытовую деятельность совершеннолетними (18-65 лет)
жителями городов Псков и Джексон (США) в середине 80-х годов (на человека в сутки в
минутах)**

	Псков			Джексон		
	Работающ. мужч.	Работающ. женщ.	Домхоз.	Работающ. мужч.	Работающ. женщ.	Домхоз.
1. Труд в домашнем хозяйстве и удовлетворении бытовых потребностей						
- труд в домашнем хозяйстве, в т.ч.:	61,2	136,9	240,6	64,7	99,3	239,9
приготовление пищи	21,7	65,3	109,2	14,6	36,1	83,6
мытьё посуды и уборка со стола	4,1	13,1	33,9	4,5	13,3	24,4
уборка жилья	6,4	19,8	33,6	5,5	23,1	67,9
- уход за детьми и их воспитание	33,3	46,4	208,9	15,0	27,4	66,3
- покупки	25,5	42,1	38,3	27,4	48,2	66,4
- услуги	5,5	6,3	1,3	7,5	7,0	7,9
Итого:	125,5	231,7	488,5	114,6	181,9	380,5
2. Физиологические потребности						
- уход за собой и др.	51,7	57,3	56,7	65,3	83,1	92,3
- питание	71,2	69,8	74,0	71,7	64,3	74,2
- сон	466,0	473,7	514,9	466,6	462,3	480,9
- передвижения	0,2	0,1	0	12,6	14,9	11,5
Итого:	589,1	596,9	645,6	616,1	624,7	658,9